

ПО
СЛЕДАМ
ГРОМКИХ
ДЕЛ

ТАТЬЯНА
СТЕПАНОВА

ЯД-
ШОКОЛАД

Татьяна Степанова

Яд-шоколад

«ЭКСМО»

2014

Степанова Т. Ю.

Яд-шоколад / Т. Ю. Степанова — «Эксмо», 2014

Это уголовное дело о жутких убийствах обростало все более чудовищными и пугающими подробностями. А капитан полиции Екатерина Петровская, сотрудница Пресс-центра ГУВД Московской области, уже не могла спать по ночам – после того, как увидела фотографии молодых женщин – жертв «Майского убийцы». Два года назад по горячим следам арестовали Родиона Шадрин, психически больного человека, и пожизненно упрятали в психиатрическую лечебницу. Город и вся область вздохнули спокойно. Но вот снова месяц май – и снова двойное убийство, которого Шадрин никак совершить не мог – он находился в специализированной клинике. Значит, маньяк до сих пор на свободе? И что же означают его послания – на телах жертв были оставлены странные, никак не связанные между собой предметы: черепки глиняной посуды, старый будильник, наволочки от подушек и кожаная плеть из интим-магазина...

© Степанова Т. Ю., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	23
Глава 7	27
Глава 8	33
Глава 9	39
Глава 10	43
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Татьяна Степанов

Яд-шоколад

Глава 1

Соловей, что прилетает без спроса...

Птица поет...

Нежная трель где-то совсем рядом, но не разглядеть ничего.

Птица поет в сумеречном парке, полном теней и майской свежести.

Это соловей?

Нет, не он...

Ну конечно же, это соловей, что прилетает без спроса, как в той старой детской сказке, и садится у окна. И поет, когда ночь...

Когда смерть совсем близко.

Она попыталась пошевелиться в крошечной тьме, но не смогла – руки связаны. И вот странно – она совсем не чувствовала себя... то есть своего лица, как будто оно вдруг куда-то делось, пропало.

Эта тьма вокруг, словно безлунная ночь поглотила парк, полный теней и майской свежести.

Связанные за спиной скотчем руки нестерпимо болели, их она чувствовала, чувствовала свое тело. Извивалась как червяк на чем-то холодном, липком, мокром. Не земля – нет, сырой твердый камень. Но пахнет землей, как в могиле. И еще пахнет прелью и свежей, дурманящей ум майской зеленью. И еще чем-то...

Она ничего не видела, не чувствовала своего лица совсем. Но ощущала все запахи ночи.

Ее звали Ася. Подруги и коллеги по работе любили ее за спокойный веселый нрав. Этой весной у нее впервые после института появился парень, и они порой выбирались куда-то вместе. Но не сегодня и не в этот парк. Если идти по боковой аллее, выйдешь прямо к кирпичным многоэтажкам. Она всегда здесь ходила по дороге с работы домой. За деревьями проносятся автобусы и машины. А тут свежо и пахнет молодой листвой. И травой. И влажной землей. Можно отдохнуть, подумать, расслабиться и вздохнуть в полную силу легких.

И соловей поет где-то рядом, но не разглядеть, потому что...

Глаза в этой тьме не видят.

Кофточка на груди совсем промокла.

Что-то липнет к коже.

И голос...

Этот голос, что звучит из темноты.

– Думаешь, я недостаточно хорош для тебя? Не обладаю, чем должен? Это ты... ты недостаточно хороша для меня. Не мила, не желанна.

Голос... он, пожалуй, даже красив. Мужской, со звучными обертонами. Вот только он прерывист сейчас и глух, словно обладатель его задыхается – от страсти ли, от ненависти ли, от вожделения или гнева. А может, все вместе в этом голосе, который она слышит над собой, когда соловей все поет и поет в непроглядной тьме.

И смерть близка...

– И та влага, что течет у тебя сейчас между ног... твой сок... он не нужен мне. Я не нуждаюсь в тебе совсем... Слышишь ты? Я люблю другую. А ты тварь, ты просто тварь.

Влага течет по груди, кофточка спереди промокла насквозь. И где-то в голове внутри поднимается великая боль.

– Ты ничтожная, грязная, вонючая девка, посмотри на себя, кто может пожелать, полюбить тебя. Только не я. Я даже не хочу касаться тебя. Я брезгую тобой. Слышишь ты, мокрая развратная тварь, я брезгую тобой!!!!

Соловей умолк, испугался, когда смерть протянула руку, чтобы свернуть ему шею.

Лишь этот голос – мужской, полный страсти и ярости.

– И все же я возьму тебя, достану глубоко... чтобы ты помнила... чтобы знала... чтобы помнила меня... всегда... всегда... Будет больно...

Волна боли ударила изнутри, в голове что-то лопнуло, прорвало плотину.

Все лицо опалило огнем, каждый нерв, каждый сосуд вибрировал от нестерпимой боли.

В этой темноте... в этой страшной вечной темноте.

Ася забилась на холодном мокром камне, истошно крича, визжа.

Крики наполнили тихий вечерний парк, полный сумеречных теней.

Женщина кричала так, словно ее рвали на куски.

Женщина кричала...

Соловей улетел.

Смерть ждала, когда крик оборвется.

Глава 2

Пациент

Орловская психиатрическая больница специализированного типа.

Два года спустя

...Лечение и реабилитация психически больных лиц, совершивших преступления и признанных невменяемыми... освобожденных от уголовной ответственности по решению суда по причине невменяемости...

Монотонное бормотание под нос и скрип тележки, на которой в больнице развозят свежие постельные принадлежности – только что из прачечной. Тележку толкает худенький человек в больничной робе, и он все бормочет, бормочет. Когда-то давно он вызубрил наизусть служебную инструкцию больницы специализированного типа и теперь всякий день, помогая дежурной санитарке развозить белье, памперсы и чай, повторяет вызубренное, как священную мантру.

...Совершивших преступление и признанных невменяемыми... освобожденных от уголовной...

Это тихий больной.

Это очень тихий больной.

Только он не выносит вида острых предметов.

Их от него – даже обычные канцелярские карандаши – прячут за семью замками.

Больничные корпуса из красного кирпича – приземистые, с толстыми стенами, покатой крышей и новыми стеклопакетами с решетками изнутри на улице Ливенской. Это сразу за парком Танкистов – спросите любого в Орле, всякий покажет. Можно идти по Итальянской улице, а можно через знаменитые Орловские Лужи – результат один: упруешься в КПП и больничную ограду. По периметру – охрана.

За оградой – все очень благопристойно и цивилизно, двор убран – ни соринки, все очень чисто, но чистота эта тюремная.

Охрана по периметру.

Толстые стены.

Теплые окна-стеклопакеты с могучими решетками внутри.

Длинные коридоры, выкрашенные в мрачно-голубой цвет.

Двери как в тюрьме.

Нет ручек, персонал пользуется спецключами.

Тележка с бельем, памперсами и горячими чайниками катится, скрипя, по одному из таких коридоров.

Тихий больной бормочет свою вечную мантру.

По коридору к одному из отдельных боксов неспешно идут двое интернов-практикантов. Орловская психиатрическая специализированного типа – место знаменитое, немало прославленных психиатров-экспертов проходили тут практику, почитая это за честь и великую удачу для карьеры.

В Орловской психиатрической можно увидеть такое, что нигде никогда больше не увидишь, редкие случаи в практике.

Интерны молоды и немного легкомысленны, но место... это место действует на них. Среди женского обслуживающего персонала больницы – санитарок и нянечек они пользуются почти таким же оживленным радостным вниманием, как и охрана, которая не вмешивается в лечебный процесс. С мужчинами как-то все же спокойнее, надежнее в компании больничного контингента.

Все палаты в Орловской психиатрической, как всегда, переполнены. Но бокс, этот бокс, у дверей которого останавливаются любопытные интерны, одноместный. Он оборудован камерой видеонаблюдения.

Один из интернов прикидывает к глазку на железной двери.

– Все по-прежнему, – говорит он после довольно долгой паузы. – Отметь в листе – все без изменений. Та же поза, но ритм другой. Все по-прежнему или хуже. Лекарства не действуют.

Внутри бокса на мягких матах сидит мужчина. Судя по фигуре – молодой, худощавый. У него темные волосы и покатые плечи. Он сидит, поджав ноги «по-турецки», и с невероятной скоростью и бешеным точным ритмом барабанит ладонями по мягким матам.

Тара-тара-тарарара-рам там там!

Тара-тара-тарарара-рам там там! – как эхо одними губами вторит ритму второй интерн:

– Теперь это... ах ты, что-то очень знакомое, – говорит он, и его губы шевелятся, словно смакуя четкий ритм.

– Это Чайковский, из симфонии «1812 год», фрагмент марша. Мое любимое место.

– Ты говорил ему, что любишь эту симфонию?

– Нет, когда его приводили к главному, это звучало на диске, потом выключили.

Главный – это главврач Орловской психиатрической, он курирует практику интернов и пользуется у них непререкаемым авторитетом как светило психиатрии.

– Сколько он тут уже так, без остановки, барабанит? Три дня? – спрашивает первый интерн и снова прилипает надолго к глазку.

– И еще ночь. Сразу после того инцидента его отвели в медпункт, обработали ссадины, и главный приказал поместить его сюда под наблюдение.

Инцидент произошел глубокой ночью в девятнадцатой палате. Другие больные внезапно напали на этого вот больного, начали душить и бить чем попало.

– Удивительно, – говорит первый интерн.

– Что удивительно? Что он не устает? Это просто своеобразная реакция на...

– Что он не убил никого там, в палате ночью, когда они набросились на него. Учитывая, какой за ним тянется хвост... странно, что он никого там не прикончил в драке.

– Главный решил перевести его сюда, понаблюдать.

– А ты когда-нибудь слышал, как он говорит?

– Всего один раз, он очень неохотно идет на любой контакт.

– А где ты его слышал? В кабинете у главного?

В кабинете главврача – просторном и светлом – на стене висит большая картина, написанная больным, в прошлом художником. На картине – копии полотна из Лувра – изображен французский врач восемнадцатого – начала девятнадцатого века Филипп Пинель, снимающий цепи с умалишенных.

Интерн кивает – да, он слышал, как этот больной говорил с главврачом. Тот может подобрать ключ к любому, самому сложному пациенту. Это большое искусство, это пик профессии, этому еще предстоит учиться обоим молодым интернам.

– Знаешь, главный им заинтересовался с самого начала, – говорит интерн.

– Из-за того, что этот тип совершил на воле?

– Да, но не только. Что-то в нем необычное... главный так считает – и в самом этом пациенте и его случае. Что-то странное.

– Я не понимаю, о чем ты, – второй интерн пожимает плечами. – Он же убийца, садист. Так, ладно, ждем еще сутки, удваиваем дозу лекарства. Если не увидим улучшений, надо ставить вопрос о принудительном кормлении.

Глава 3

Рейнские романтики

Они оба любили это место. Только вот, как всегда казалось Олегу Шашкину, по прозвищу Жирдяй, он любил его больше.

Они называли это место – Логово. Логово, где собирались они все – Рейнские романтики, группа «Туле».

Группа действительно настоящая, существовавшая взаправду, как любил отмечать Олег Шашкин – рок-группа, пытавшаяся играть тяжелый рок и совмещать несовместимое: убийственный романтизм бытия и пошлую низменность «мечт».

Именно «мечт», так говаривал Дмитрий Момзен вместо слова «мечтаний». Тексты для песен сочинял он сам, и у него неплохо получалось. Группа «Туле» выступала по закрытым клубам, ездила по стране и СНГ. Но потом внезапно начались всякие сложности и неприятности, связанные с названием.

Приходили грозные письма с требованием это самое название изменить – из разных государственных инстанций, которые вдруг стали очень придирчиво, чуть ли не под микроскопом изучать – а что же это там поют и играют в этой самой группе «Туле».

Дмитрий Момзен – человек образованный, «головастый», как считали все Рейнские романтики, умно парировал все эти официальные выпады.

Да боже упаси, господа начальники. «Туле» – это такой воображаемый остров на Крайнем Севере в воображении еще античных поэтов. Край края земли – за ним лишь небесный чертог да райские врата, если вы верите в них.

– Вы верите в райские кущи? – спрашивал он у помощника прокурора – молодого и злого, ведущего официальную проверку деятельности группы «Туле». Спрашивал прямо там, в прокуратуре, в кабинете, наивно округляя свои прекрасные голубые глаза цвета арктического льда и от этого делаясь еще красивее и наглее.

Так вот, даже если вы не верите в рай, то откройте справочник по истории и убедитесь, во что люди верили раньше – в этот самый край края земли, мистический остров «Туле» – там, далеко на Севере, куда вы, господин проверяющий, уж конечно, никогда не доедете и не доплывете.

В конце концов их с этим названием все же оставили в покое, однако в Москве и Питере им перекрыли весь кислород наглухо. Все концертные площадки, все клубные сцены были теперь для них недоступны.

Рок-группа «Туле» играла лишь у себя дома, в Логове. Да и то теперь уже совсем не играла, потому что они лишились классного барабанщика. А найти нового ударника – дятла в такую группу, как «Туле», ой как не просто.

Студию они устроили в подвале – толстые кирпичные стены старого московского особняка в Пыжевском переулке в Замоскворечье глушили все, даже звуки мощных электрогитар.

Особняк на Пыжевском и был Логовом Рейнских романтиков, а также штабом сбора всех частей перед большими военными шоу, пунктом отправления в дальние поездки и местом, куда так приятно возвращаться.

Такое уютное логово – восемь комнат анфиладой с большим залом, небольшая восхитительная мансарда с застекленной террасой – никакого зимнего сада, всей этой бабьей белиберды с цветами – там они хранили военную амуницию. А внизу огромный подвал – тут и музыкальная студия, и комната собраний, и вход на склад. А рядом магазин – настоящий армейский магазин, лавка для своих, все что надо для военных шоу и исторической реконструкции – от солдатских ремней, пряжек и пуговиц до киверов, касок, шинелей и сапог.

Особняк в Пыжевском в прошлом был куплен отцом Олега Шашкина. Шашкин – Жирдяй сколько помнил себя, всегда любил отца. И всегда они жили хорошо, богато. Отец занимался большим бизнесом, дома появлялся нечасто. Он женился трижды, но ребенка имел лишь одного – Олега. Все свое детство Олег провел в частной школе и на попечении учителей французского и английского языков. Он уже учился на третьем курсе (платно, конечно) исторического факультета МГУ, когда пришла трагическая весть – отец разбился на вертолете под Ханты-Мансийском. Полетел в непогоду в пургу что-то там инспектировать по бизнесу и поплатился жизнью.

Олег Шашкин получил после отца все, что не досталось мачехе. Большие деньги и этот вот особняк в Замоскворечье, гараж, полный машин разных марок, и еще акции и счета в банке в Австрии, и почти все это он с радостью отдал... нет, конечно, не отдал вот так просто – передал в управление, в распоряжение своему другу, нет... гораздо больше чем другу – Дмитрию Момзену.

Если и есть на свете святая чистая мужская дружба без всех этих грязных примесей и инсинуаций на тему голубизны, то это их с Момзеном случай.

Они познакомились в Московском университете. Момзен не принадлежал к богатому классу, о своем прошлом не особо распространялся, в университете посещал собрания Исторического клуба. Он был старше – высокий блондин, атлет, друживший со спортом, поездивший по миру, знающий жизнь вдоль и поперек, и тут и там, за бугром, умеющий рассказать так много всего интересного.

Он покорила Олега Шашкина с первого взгляда, с первой их беседы. Он, конечно, не мог заменить погибшего в авиакатастрофе отца. Но он стал больше чем отец. Он стал предметом обожания и поклонения. Он стал истинным кумиром.

В нем Олег Шашкин по прозвищу Жирдяй видел все то, о чем грезил во сне, все то, чем хотел обладать.

Этот самый убийственный бешеный, отвязный романтизм бытия, необъяснимый словами...

Когда вы таскаете на себе сто тридцать килограммов собственного веса, собственного жира, от которого, несмотря на все диеты, несмотря на все усилия, весь этот долбаный триумф воли, никак не можете избавиться, говорить о романтизме смешно.

Но сердцу ведь не прикажешь. Даже под слоем жира в груди сердце порой бьется так, что...

Хочется кричать на весь мир от счастья, а потом плакать от боли где-нибудь в уголке, когда никто вас не видит.

Но сегодня Олег Шашкин плакать не собирался.

Утром он плотно и вкусно позавтракал в кафе на Полянке и сейчас вернулся домой в Логово с кучей пакетов в руках из магазина «Возьми с собой» – бургеры, кофе в пластиковых стаканах, свежая выпечка, пирожные, плюшки...

Да, да, именно плюшки с корицей...

Все Рейнские романтики, несмотря на суровость стиля милитари, который они активно культивировали, плюшки обожали.

Шашкин спустился в подвал, миновал сумрачную студию с погашенными софитами и прошел в комнату собраний – небольшую, с кожаными диванами и креслами и огромной плазменной панелью на стене. Компьютерное телевидение – они уже давно признавали только его.

Дмитрий Момзен полулежал на кожаном диване – ленивый и праздный в это утро и щелкал пультом, выводя на огромный экран фотографии из Интернета.

Из динамиков мощной стереосистемы тихо, ненавязчиво лилась Giovinezza. Хор итальянских теноров браво исполнял итальянский фашистский гимн.

На огромном экране на стене возникла фотография времен Маньчжурской кампании – стайка лощеных японских офицеров в идеально подогнанных мундирах, шинелях внакидку и до блеска начищенных сапогах. У каждого офицера на носу золотые очки, а в правой руке плотно прижат к бедру... нет, не самурайский меч, а офицерский палаш.

Или все же самурайский меч?

Олег Шашкин застыл с пакетами в руках и вперился в картинку с живейшим любопытством.

– Положи все на стол. Кофе горячий? – спросил Дмитрий Момзен.

– Двойной латте, как ты любишь, без сахара.

– Спасибо.

– Классная фотка, – сказал Олег.

– А эта?

Дмитрий Момзен кликнул пультом, и возникла новая фотография.

Те же японские офицеры почти в такой же геройской позе на фоне голых повешенных. Самая настоящая, не бутафорская, виселица, а на ней в петлях – трупы. Голые женщины с телами, как белый фарфор.

– Маньчжурия. Год, кажется, тридцать седьмой, – прокомментировал Дмитрий Момзен. – А это годом позже, но тоже Маньчжурия.

На снимке снята просто куча. Можно подумать, что самый обычный мусор, но это не мусор, это отрубленные человеческие головы, в основном женские.

– Китайки, – Момзен под звуки итальянского марша укрупнил изображение. – Вот как они там с ними поступали.

Олег Шашкин кивнул, сгрузил все пакеты, что до сих пор занимали его руки, на низкий круглый стол из беленого дуба.

– Когда видишь на фейсбуке все эти наши смешные потуги... Путь самурая, искусство войны... наших бедных желторотых офисных цыплят, которые что-то там лепечут в комментариях по поводу порток хаками, самурайских доспехов и лапши удон... Вот если это реконструировать, показать, как оно все было на самом деле...

– Это же китайцы, – сказал Олег Шашкин. – Они их тогда в Маньчжурии за людей не считали.

– Да, если кого-то совсем не считаешь за человека, тогда, конечно, наверное, проще. Намного проще, – согласился Дмитрий Момзен. – Ты как думаешь?

– Я вообще-то, Дим, не знаю, как-то не думал об этом.

– Намного проще, – повторил Дмитрий Момзен и кликнул пультом опять.

Новый снимок.

Изнасилованная женщина.

Ноги широко распялены, юбка задрана на голову.

Белое фарфоровое тело.

Воткнутый штык.

Итальянские тенора – фашисты сладкоголосо пели что-то про Абиссинию, мужество и военный поход.

– Кофе горячий? – повторил свой вопрос Дмитрий Момзен.

– Да, я торопился, как мог.

– Пешком или на машине?

– Пешком, как ты велишь, после завтрака.

– Тебе надо больше двигаться. Ты парень храбрый, здоровый, сильный, но тебе надо быть подвижным, ловким. И еще тебе надо...

– Что?

– Да так, ничего.

– Нет, скажи, – Олег улыбался... то есть пытался улыбаться.

– Надо учиться переступать через некоторые вещи. Ну и через себя тоже. Через «не могу», «не хочу», через то, что коробит или пугает.

– Я стараюсь, ты же знаешь, я очень стараюсь.

Убийственный романтизм бытия... Они говорили как ни в чем не бывало о самых простых, но очень важных вещах.

На фоне фотографии изнасилованной китайки, пригвожденной к земле японским штыком.

Олег Шашкин внезапно ощутил, что тошнота глубоко внутри начинает подниматься и...

– Мне надо отлить, – сказал он нарочито грубо, хрипло.

Все Рейнские романтики очень ценили такую вот брутальность в патовый момент.

Он оставил Момзена наедине с экраном, кофе латте и итальянскими тенорами, быстро, как мог, поднялся по лестнице, обливаясь потом, и плюхнулся на широкий подоконник – это вот маленькое узкое окно во внутренний двор у самой лестницы в подвал, оно всегда открыто.

Не то чтобы он чувствовал дурноту, дрожь или там боялся чего-то... Этой вот старой фотки, что ли, в Интернете? Просто на одну секунду ему почудилось...

Белое женское тело – гладкое, как китайский фарфор. Задранная юбка скрывала лицо бедняжки. Но все остальное так щедро выставлено напоказ.

Гладкие ноги, упругие ляжки, тонкие щиколотки. У Машеньки ноги еще красивее. Он видел ее в шортах. Он видел ее в платье. Он видел ее в том классном костюме для верховой езды – бриджи в обтяг, сюртук и этот черный шлем, из-под которого выбиваются пряди рыжих волос.

Рыжая Машенька...

Сердце в груди забилось сильно и сладко. Олег Шашкин по прозвищу Жирдяй дотронулся до створки окна. Он вспомнил.

Они ехали на машине. Они опробовали недавно купленный и отремонтированный армейский «УАЗ», с которого сняли брезентовый верх, превратив его в открытую военную тачку. Они с Момзеном рулили по колдобинам пустыря у железнодорожной станции, пробуя сцепление и передачу. А затем рванули через парк напрямик по аллее к озерам.

И она возникла из чащи как видение, как лесной дух. На гнедой лошади! Она мчалась галопом через лес на гнедом коне, точно уходила от злой погони.

Нет, нет, нет, конечно же, нет... Она просто появилась на аллее. И конь был – самой обычной гнедой ленивой пузатой кобылой из клуба верховой езды, что в парке. И не гнался за ней никто.

Это они чуть не сбили ее там, на парковой аллее. Момзен чудом выкрутил руль вправо, и они разнесли бампер о старую липу.

Олег Шашкин выскочил из «УАЗа», не помня себя, бросился к всаднице. Она не пострадала. Только вот у старой кобылы случился чуть ли не обморок от пережитого шока. И она сразу навалила с испугу огромную кучу дерьма.

Пахло конским навозом...

Это первое, что врезалось в память Олегу Шашкину по прозвищу Жирдяй.

Второе – что у девушки рыжие волосы и глаза как фиалки.

Она стала орать на них, что они придурки и сволочи, ездят так только одни лишь идиоты ненормальные, а они и есть эти самые ненормальные идиоты, потому что тут парк и конный клуб и много детей катается и вообще...

Момзен кратко, но с большим чувством извинился: девушка, простите, мы не хотели, мы честно не хотели...

Олег Шашкин что-то бормотал, все гуще, все неудержимее заливаясь краской под ее гневным взглядом. Словно его обварили кипятком.

Этакая здоровенная туша... толстый пацан в армейских брюках из камуфляжа, в черной майке, в татуировках, бритый наголо.

Он тогда еще и голову брил, как идиот...

Он и сейчас бреется наголо...

Это она обозвала его идиотом... нет, не его, ИХ, а потом...

Она взглянула на него сверху, с седла.

Старая гнедая кобыла все еще продолжала неудержимо какать, содрогаясь всем своим телом.

Девушка нахмурила темные брови и сказала, что ее зовут Машенька.

Не Маша, не Мария, а вот так – Машенька.

Потом она велела Олегу Шашкину подержать стремя и спрыгнула с лошади. Та наконец утомонилась.

Девушка взяла лошадь под уздцы и пошла по аллее. А он отправился, поплелся, полетел, как на крыльях, за ней следом.

Проводил ее до самого клуба, до самой конюшни.

Дмитрий Момзен в тот день ничего ему не сказал.

Сидя на широком подоконнике в проходном закутке, видя перед собой широкую анфиладу комнат Логова Рейнских романтиков и одновременно через окно внутренний двор, вымощенный плиткой, Олег ничего этого не замечал – он вспоминал в мельчайших деталях тот их самый первый день с Машенькой, как они шли через парк вдвоем.

Да, пахло конским навозом.

Он полюбил этот запах с тех самых пор.

Солнечные лучи пробивались сквозь зелень и пятнали траву.

И еще пела какая-то птица... назойливо так и сладенько пи-и-и-и! Отчего-то сейчас вообразилось, что это пел соловей.

В тот день Олег Шашкин по прозвищу Жирдяй поклялся себе страшной клятвой Рейнских романтиков, которую не нарушал еще ни один Рейнский романтик, что похудеет, сбросит вес до восьмидесяти килограммов.

Он так и не похудел. Он не смог.

Машенька что-то говорила – и тогда, и потом. Она смеялась, она так нежно, заливисто смеялась.

Перед глазами возникла китаянка с задранной на голову юбкой, раскинутыми ногами. Штык вошел глубоко в самую плоть.

Сейчас об этом совсем не страшно думать, совсем, совсем...

Олег Шашкин вздохнул – ему захотелось выпить сладкой кока-колы и съесть еще один бургер.

Глава 4

Машенька

День Машеньки Татариновой складывался из череды приятных и неприятных вещей.

К неприятностям дня можно, пожалуй, отнести утренний ад общественного транспорта – поездку на двух переполненных рейсовых автобусах и жуткой маршрутке из дома на работу. И вскочивший прямо на носу алый прыщик. Вот, пожалуй, и все дневные гадости.

Приятных вещей – намного больше. Во-первых – новенькая блузка в песочно-коричневую клетку. Да, да, тот самый неповторимый принт английского Barberry. Она купила блузку по Интернету, в общем-то там ее продавали за настоящую люксовую вещь. Но денег просили подозрительно немного. И Машенька не устояла, кликнула на «корзину» «купить».

Во-вторых, предвкушение сегодняшнего вечернего урока верховой езды. Ну это как обычно, когда она не слишком уламывается на работе. Но все равно адски приятно.

Можно сказать, что Машенька Татаринова родилась и выросла на конюшне. Ее мать работала инструктором верховой езды. Мать была бойкой и отважной, рыжей, как лисица, имела пропасть любовников и в свои сорок пять выглядела на тридцать один. Этот клуб верховой езды в парке у Святого озера в Косино она просто подмяла под себя после того, как уложила в койку его владельца – армянина Ару.

Ара – очень пожилой, однако любвеобильный и весьма великодушный человек – по матери с ума сходил, исполнял каждый ее каприз, и очень скоро фактически именно она стала хозяйкой этого престижного конного клуба. В результате Машенька каталась верхом когда и сколько хотела, на любых свободных лошадях, в любое время, в любую погоду – по настроению.

В-третьих, самой главной приятной вещью дня была сама работа. Не верите, что такое случается? Только не с вами, дорогой читатель? А вот Машеньке Татариновой повезло, она нашла такую работу. И никто ее не устраивал, никакого блата, она просто подала резюме, и ее приняли на должность младшего менеджера – экспедитора при управленческом офисе огромного нового торгового центра «МКАД Плаза».

Этот гигантский комплекс, похожий на город с магазинами, бутиками, кафе, ресторанами, кинотеатрами и катком, возник на пустыре у самой Кольцевой, словно построился сам собой, сложившись из разноцветных кубиков ЛЕГО. Офис, в котором работала Машенька, управлял всей этой махиной – технические службы, электросети, Интернет, охрана, все аккумулировалось здесь.

Сюда поступали также различные запросы, претензии и жалобы на неисправности от арендаторов. Например, в торговом зале магазина одежды внезапно вырубилась кондиционер. Продавцы по Интернету отсылают заявку на ремонт в управленческий офис в группу технической поддержки. Или в солярии, что на первом этаже, неполадки с автоматикой. В туалетах на третьем этаже необходим сантехник. В кинотеатре надо проверить систему стереозвука. И десятки подобных вещей, когда требуется вмешательство мастеров-ремонтников.

В обязанности Машеньки входило каждый день отпраиваться в вояж по торговому комплексу и проверять качество и время выполненных заявок. Когда пришли мастера, как все исправили, есть ли новые жалобы и претензии к качеству ремонта.

Машенька начинала свой обход в десять утра с толстым блокнотом. К четырем сведения должны быть обработаны, к шести занесены в компьютерную базу управленческого офиса.

С десяти до четырех в своих чудесных деловых путешествиях по городу развлечений Машеньку вообще никто не контролировал.

Очень быстро она научилась использовать каждый свободный миг для собственного удовольствия. Например – заскочить на десять минут в тот же солярий. Скоренько, скоренько раз-

облачиться в кабинке, заказав всего-то трехминутный загар. Раз, два, и готово. Кожа смугла, как южный плод. Она одевается и спешит дальше. Претензия насчет туалетов, сушилка для рук на фотоэлементах... мастер приходил, фотоэлементы заменил, теперь работает, жалоб нет, все в блокнот и... Дальше, дальше, дальше вдоль стеклянных витрин по чудесному городу.

Вот это маленькое черное платье, его стоит примерить..

Черт, какая зверская цена...

Ах, какой купальник, это какой размер?

Надо купить трусики в итальянском бутике белья.

Ой, какие босоножки... Этот обувной просто разорение, ладно, со следующей зарплатой... Или нет, лучше у матери денег попросить. Такие босоножки на такой шикарной шпильке упускать нельзя.

А вот и «нейл-бар», тут можно задержаться на четверть часика у Юльки – подружки.

Да, в этом уютнейшем салоне маникюра, похожем на стеклянный аквариум, Машенька обычно зависала на приятнейшие четверть часа. Садилась на высокий табурет за стойку, протягивала Юльке-маникюрше руки и придирчиво начинала выбирать новый цвет лака для ногтей.

– Это что, синий?

– Ага, французский.

– Нет, это как-то уж чересчур стремно.

– Ничего не стремно, давай покажу.

И Юлька наносила на Машенькин мизинец синий лак. Они внимательно разглядывали.

– Нет, мне не нравится, – Машенька хмурила брови – темные шнурочки.

– Самый шик, ты что!

– А мне не нравится. А это... о, жуть... это черный?

– Черная роза. Но это только готы себе выбирают.

– Ну-ка, покажи.

– Ты же синий не хочешь, а этот совсем темный. Черная роза!

– Ну, сделай мне, покажи, – Машенька нетерпеливо тыкала ручкой в подружку Юльку, и та, виртуозно владея кисточкой, легко касалась ее ногтей.

Лак «Черная роза», который выбирают для себя лишь готы... Ну эти, которые такие странные и так чудно одеваются... и косят под вампиров в реальной жизни и не в ладах с полицией.

Машенька задумчиво созерцала свои ногти цвета Черной розы.

– Оставить? – осведомлялась ехидная любопытная Юлька-подружка.

– Да... то есть нет, смой. Давай, как обычно. Собственно я за этим к тебе пришла, тот лак, что в прошлый раз. А то если мой шеф «Розу» увидит, в обморок хлопнется.

Юлька начинала вдохновенно трудиться над «французским маникюром». И вскоре Машенька покидала ее и отправлялась дальше в своем радостном путешествии.

Порой по дороге мимо витрин, у стеклянных лифтов она оглядывалась и видела в толпе огромного толстого неуклюжего парня в армейских брюках, тяжелых шнурованных ботинках очень дорогой фирмы и кожаной косухе.

Ну того самого Олега Жирдяя, который с другом едва не сшиб ее своей тачкой, когда она каталась верхом в парке.

Странно вообще, что они после того случая в парке познакомились вот так близко и стали даже чем-то вроде приятелей.

Они общались, болтали. Но порой он, этот Жирдяй, вел себя подозрительно прикольно – вот так прятался в толпе, как будто он, такой здоровый и толстый, может от кого-то спрятаться!

Порой Машенька махала ему рукой, улыбалась, и тогда он моментально подходил, краснел, потел, улыбался, как лысый младенец, и они болтали несколько минут ни о чем.

Но иногда она игнорировала его. Особенно по четвергам и пятницам, потому что в эти дни она торопилась в «Царство Шоколада» – кондитерский бутик, что на первом этаже рядом с «Космос-Золото» и «Азбукой вкуса».

Очень вкусное место, а какой там аромат! Шоколад, корица, ваниль... Бутик небольшой, весь отделан темным дубом. В витринах наборы дорогих шоколадных конфет, фигурки из литого шоколада.

В «Царстве» тоже порой возникали претензии и неполадки. У них там в подсобке имелись холодильники и иногда что-то ломалось. Машенька быстро завела приятельские отношения с обеими продавщицами – страшными сплетницами, потому что...

Да все потому, что... нет, она не так уж и любила шоколад... Просто по четвергам или пятницам сюда в «Царство» заглядывал сын владельца бутика-кондитерской и конфетной фабрики-поставщика. Точнее сын покойного владельца, почти сам уже хозяин всего этого. Только еще *молодой, глупый*, как говорили продавщицы, поэтому всеми делами там, на фабрике, и тут, в бутике, управляла его дражайшая мамаша.

Машенька увидела его у витрины с шоколадным слоном – высокий и немного нескладный парень, но так мил! Брюнет. Сначала она решила, что он гей. Этот грим на лице... и этот чудной сюртук и кружевное жабо. Она подумала, что он гей... или нет, наверное, просто актер, приглашенный выступать тут в торговом центре на шоу перед показом мод.

Оказалось все не так, все совсем не так.

От продавщиц она узнала – что это молодой хозяин «Царства». Что его зовут Феликс. Что он красится и одевается в сюртук девятнадцатого века из черного бархата с белым жабо, потому что он по жизни и по убеждениям антикварный гот и у его мамы столько денег, что он может себе это позволить.

И еще она узнала от продавщиц, что он совсем чокнутый парень, но порой, когда он начинает трепаться, его невозможно не слушать – так он приколен и обаятелен. Правда, лишь в те мгновения, когда сам этого хочет – быть обаятельным.

А потом она услышала, увидела его – у витрины с шоколадным слоном. И поняла, что ее работа преподнесла ей еще один редкий сюрприз.

Она начала заглядывать в Царство Шоколада каждый четверг и каждую пятницу, интересовалась – нет ли жалоб на работу холодильников и вообще... как у вас тут дела? Все в шоколаде?

Антикварный гот иногда появлялся. Порой с ним приезжала старшая сестра – так, ничего особенного, женщина лет тридцати – самая обычная, крупная, широкобедрая, с темными волосами – не скажешь, что из такой богатой семьи. И что вот это чудо в перьях – в черном бархате и жабо – доводится ей родней.

Машенька Татаринова боялась признаться сама себе, что она жутко влюбилась в антикварного гота по имени Феликс.

Но если уж и смотреть правде в лицо, то...

Если делить свой день так категорично лишь на гадости и приятности, то к гадостям такое событие в жизни, как любовь, уж точно отнести невозможно. Но и приятного было мало, потому что...

Антикварный гот Феликс Машеньку Татаринову не замечал. Не видел ее в упор.

Или это тоже ей лишь казалось, когда слезы наворачивались на глаза цвета фиалки?

Тот чертов алый прыщ на носу, что вскочил вдруг и который пришлось густо замазывать тоналкой. Говорят, это такая примета, четкий верняк: если прыщ вскочил на носу, значит кто-то к вам очень неравнодушен, только скрывает свои чувства. Потому что час для них еще не пробил.

Глава 5

Статья для журнала

– И что ты ко мне все пристаешь? Почему ты вечно ко мне пристаешь? Что за новые фантазии опять? И время-то как нарочно выбираешь, когда я по горло занят.

Голос... мужской, хриплый, простуженный звучал почти плаксиво и жалобно. Вот так послушаешь и представишь себе бог знает что, кто-то там к кому-то... то есть к обладателю этого густого хриплого баса, пристаёт, изводит его как комар ночной, мучает, а может, соблазняет?

– И зачем тебе это нужно?

– Мне интересно.

– Ей интересно! Вечно тебе все интересно. Нечего этим делом интересоваться.

– Но я хочу.

– Она хочет!

– Я уже договорилась.

– Она договорилась? Какие тут могут быть договоры?!

– Я договорилась насчет статьи для «Вестника МВД».

Катя... Екатерина Петровская – капитан полиции, криминальный обозреватель Пресс-центра ГУВД Московской области, изящно, однако очень энергично взмахнула рукой перед самым носом шефа криминальной полиции области полковника Гущина. Тот отшатнулся, кожаное кресло под его грузным телом закрипело.

Обстановка – самая обычная, будничная. Кабинет полковника Гущина – огромный, с совещательным столом, с кожаными креслами, с письменным столом у окна, заваленным рабочими бумагами.

Шеф криминальной полиции жестоко простужен, говорит хрипло, однако сидит не дома на бюллетене, а тут, в своем кабинете в Главке на Никитском. Кате... бессердечной Кате его немножко жалко, но она решительно настаивает на своем.

– Федор Матвеевич, «Вестник МВД» заказал мне большую статью. Это по сути исследование. Я поделилась с ними одной идеей, я давно об этом думаю. И вот решила написать в форме рабочей статьи. Журналу эта идея нравится. И я собираюсь работать над статьей. Мой непосредственный шеф, начальник Пресс-службы, очень это одобряет, потому что мы пишем не так уж много статей в профессиональные журналы на чисто профессиональные оперативные темы. Короче, я обо всем уже договорилась.

– От меня что тебе нужно?

Гущин укрылся бумажным носовым платком, точно чадрой – одни глаза несчастные, мутные от простуды, и громко, трубно на весь кабинет высморкался.

– Мне нужно ваше принципиальное согласие, что я могу работать с этой семьей и буду иметь допуск к делу в спецархиве и ко всем материалам ОРД.

– Ты собираешься делать публикацию о деле Шадрина?!

– Да не для прессы, а для нашего ведомственного журнала. И не о самом Шадрине. О его семье. Мне нужен адрес. Их новый адрес и их новая фамилия. А это знают лишь трое – начальник МУРа, начальник нашего Главка и вы, Федор Матвеевич. Я вот к вам пришла по старой нашей дружбе.

Полковник Гущин швырнул скомканный носовой платок в мусорную корзину.

– Шадрин сидит в психиатрической больнице специального типа, – сказал он. – Его не судили.

– Я знаю об этом.

– За три недели – четыре жертвы! Но его не наказали. Его лечат... его там лечат... этого сукиного сына, этого подонка!

– Федор Матвеевич...

– Скажи мне, ответь, кто тебя надоумил писать об этом деле?

Катя вздохнула, выпрямилась в кожаном кресле. А вот с этим все сложно, дорогой мой коллега, шумный громкий Федор Матвеевич... Как бы вам все это получше объяснить, чтобы вы поняли и помогли, а?

С тех самых пор, когда в сердце полковника Гущина при одном памятном и трагичном задержании попала пуля... в сердце, правда, прикрытое бронезиловым, но все равно – ведь это... сердце, он изменился. Катя, находившаяся рядом с ним на том памятном задержании, отметила это – Гущин изменился. Например, он вдруг признал наличие у него второй неофициальной семьи и побочного взрослого сына (это после двадцати пяти лет безупречного брака!). И он стал чрезвычайно благоволить к ведомственной прессе, хотя в прошлом гнал всю эту ведомственную полицейскую прессу от себя взашей.

Катя отмечала – они с шефом криминальной полиции не просто коллеги. Они подружились! Кто бы мог предположить, что толстый лысый циничный суровый профи – шеф полиции способен на дружбу с криминальным обозревателем Пресс-центра! Но Катя радовалась как дитя и пользовалась плодами этой дружбы беззастенчиво и чуть ли не нагло.

Если что-то интересное случалось в области по части криминала... убийство или еще какое-то громкое необычное дело, она больше не сбивалась с ног в поисках крох информации. А шла прямо в приемную полковника Гущина. Порой он сам обращался к ней за помощью, и она исполняла его поручения. И они так работали, помогая друг другу по целому ряду дел.

Отчего же сейчас Гущин упрям как осел? Почему не желает допускать ее к делу Шадрина? Зачем все эти вопросы: кто тебя надоумил об этом писать...

Кто-кто... конь в пальто... Это не сказка, это присказка бывшего мужа Вадима Кравченко, именуемого на домашнем жаргоне Драгоценным. Муж, теперь уже окончательно бывший... хотя он так до сих пор и не дал (не дал, представляете!!) ей, Кате, официального развода, вот уже несколько лет жил постоянно за границей.

Его работодатель, старый и хворый олигарх Чугунов, при котором Вадим Кравченко состоял начальником службы личной охраны, давно уже собирался ложиться в гроб по причине своих многочисленных болезней. Но западная и тибетская медицины, канадские шаманы и филиппинские целители, монахи из монастыря Шао-Линь и индийский гуру Баба сотворили с Чугуновым настоящее чудо. Теперь он помирать не собирался. Он схоронил жену и старую любовницу и вместе с Кравченко, которого уже официально во всех письмах, во всех документах, беседах с адвокатами именовал не иначе как «сынок», «мой сын», в свой семьдесят седьмой день рождения сиганул из самолета с парашютом.

Он был бездетен, этот старый Чугунов. А Кравченко, который в начале своей службы в качестве личного телохранителя открыто насмехался над своим неотесанным боссом, с годами все больше... все крепче, все сильнее привязывался к нему, прикипал душой, особенно когда старик тяжело болел, особенно после тех двух операций на сердце... Кравченко тогда не отходил от постели шефа, и тот со всей силой, оставшейся в хвором дряхлом теле, сжимал его руку.

– Не уходи... сынок... ты только не уходи... я умру скоро, но ты не уходи, не бросай меня...

Когда двое таких разных мужчин – пожилой и молодой – становятся другу другу необходимы как воздух... Катя думала об этом не раз, об этой странной причудливой метаморфозе отношений работодателя и наемника. Когда двое мужчин – пожилой и молодой – становятся друг другу родными, как старый больной отец и сын, что не дал, не позволил отцу умереть.

Порой Катя думала очень зло обо всем этом – что Драгоценный променял ее на своего работодателя Чугунова и жизнь с ним за границей из-за денег. У старика олигарха ведь огромное состояние...

Но нет. Там все гораздо сильнее, глубже. Чугунов не умер только благодаря тому, что Драгоценный не дал ему умереть, выходил его (конечно, конечно, старика лечили в лучших европейских клиниках, но Драгоценный это организовал). Он находился постоянно рядом. В одной палате на расстоянии вытянутой руки, чтобы всегда можно было прийти на помощь, когда смерть...

Когда смерть совсем близко.

Мой старый больной отец...

Сынок... Мой единственный любимый сын...

Да, там все гораздо сильнее между ними, у них. И Катя думала об этом часто с огромной печалью. Ей нет там места. Она лишняя. Хотя муж Драгоценный так до сих пор и не дал ей развода из своего заграничного далека.

Вместо развода – деньги, регулярно поступающие от него ей на банковскую карту. И она эти деньги брала.

Если уж совсем честно, то это ведь она изменила Драгоценному первой, хотя и эта рана, этот шрам давно уже в прошлом.

Так вот, о прыжке с парашютом. Эти два идиота – старый и молодой – сиганули вместе! Кате об этом подвиге рассказывал красочно, вздохнув друг детства Драгоценного Сергей Мещерский. Он сравнивал двух идиотов – старого и молодого – с троянским Энеем и его хворым отцом. Ну вы, дорогой читатель, помните, как герой Эней уносит на закорках из оплавленной пожаром Трои самое для него дорогое – дряхлого немоющего отца, при этом безвозвратно теряя жену.

Так и здесь – перед прыжком с парашютом – старого Чугунова приторочили к здоровяку Кравченко как вьюк, и они прыгнули вместе.

Парашют раскрылся, и они летели над каким-то вулканом, над водопадом где-то на Гавайях. Над джунглями.

Они приземлились – старый Чугунов благополучно, а вот здоровяк Драгоценный сломал себе обе лодыжки. И очутился в лучшей клинике на Гавайях.

Оттуда он и позвонил Кате по сотовому. Впервые за много месяцев молчания.

Катя сейчас в кабинете полковника Гущина вспоминала этот разговор. Ах, Федор Матвеевич, что вы спрашиваете, кто надоумил... никто... конь в пальто. С этого краткого разговора все началось... Такая тоска на сердце.

– Привет.

– Привет.

– Я вот думал о тебе сейчас.

– Надо же. Спасибо.

Словно и нет долгих месяцев разлуки, долгих дней и ночей глухого молчания.

– Как у тебя дела, жена?

– Хорошо. А как твои, Вадик?

– Да вот, лежу, скучаю.

– Где лежишь? С кем?

– С капельницей в обнимку.

– С капельницей? Что случилось?

– Ничего. Маленькая спортивная травма.

– Тебе больно?

– Нет, мне щекотно.

– Мне прилететь к тебе? Ты, кстати, где?

– Нет, это далеко.

– А, понятно, – сказала Катя. – Есть, кому за тобой ухаживать, да?

И она отключила сотовый. И слезы... эти чертовы слезы после стольких месяцев хлынули как град, как ливень, они затопили ее всю – все ее существо. Она рыдала, уткнувшись в диванную подушку. Она так рыдала! Наверное, целый час. А потом кинулась звонить Сережке Мещерскому узнавать подробности – что случилось, где, когда, что за спортивная травма, очень ли это опасно?

Мещерский рассказывал взахлеб – он несказанно обрадовался тому, что Катя расспрашивает о Драгоценном, что они наконец-то пересилили обоюдное упрямство и гордыню и пообщались по телефону. От него распухшая от слез Катя узнала и про прыжок с парашютом, и про вулкан, и про джунгли, и про сломанные лодыжки. Мещерский все токовал как тетерев про троянского Энея и его отца на закорках, а Катя спрашивала:

– Кто там с ним? Что за девица?

– Нет никакой девицы! – горячо заверял Мещерский. – Чугун там с ним, он над ним как орлица над орленком... теперь он, а раньше Вадька его выхаживал... Я их видел в прошлом месяце в Женеве. Чугун совсем спятил на почве отцовской любви. Дошел до того, что справки наводит – нельзя ли Вадьку официально усыновить. Это такого-то лба в таком возрасте! Прыжок этот с парашютом они вместе затеяли. Они неразлучны. Чугун сначала на ходунках ходил после клиники, потом с костылями, а теперь и Вадька-обормот со своими лодыжками на костылях. Чугун там с ним, в больнице, они скоро улетят опять в какой-то монастырь ноги Вадькины лечить. Чугун волноваться начинает, когда Вадьки пять минут в комнате нет. Он совсем старей, Катя... у него, кроме Вадьки, никого нет в целом свете. Ты должна это понять. Эней и его отец.

Не хотела Катя ничего *этого* понимать. Ах ты, какая же тоска на сердце...

Способ борьбы с этой грызущей тоской лишь один – работа. Работа, что поглощает тебя без остатка. Интересная. Чтобы это стало как наркотик, как наваждение. И заглушило все – и ожившую память, и тупую душевную боль.

И эта статья для журнала МВД. Сложная статья, с которой придется повозиться... она пришлась так кстати, так вовремя в горький час.

Но как объяснить это полковнику Гущину, чтобы он понял и не стал, упаси бог, ее, Катю, жалеть?

– Мне очень нужно написать эту статью, Федор Матвеевич, – сухо сказала Катя. – Я давно собиралась, обдумывала эту тему. Семья маньяка... Сколько было случаев в практике с серийными убийцами... Так вот, всегда семья, родственники – родители, жена, братья, сестры, они все отрицают. Говорят потом на следствии, что они *ни о чем не подозревали никогда*. И я на примере семьи Шадрина хочу доказать обратное. То, в чем я абсолютно уверена. Семья маньяка всегда знает о нем то самое главное, что неизвестно другим. Семья знает и об убийствах, которые он совершает. Потому что после убийств он приходит с *этим* домой к своим родным. А это не скроешь. И дело не только в одежде и обуви, которые потом приходится отмывать от крови, от грязи. Сам его облик после убийства, эта аура, которая его окружает – аура смерти, он пахнет смертью, он смердит... Они – все его родные, они не могут этого не чувствовать, не замечать.

– Семья Шадрина... ты знаешь, кто его семья? – спросил Гущин.

– Да, это есть в короткой информационной справке. Мать, отец, брат и сестра.

– Пацану десять, сестренке двенадцать. Из-за них, собственно, эта семейка и попала под программу защиты свидетеля. Ведь детям еще целую жизнь жить. А с этим как жить, с такой фамилией? В общем, мы все, совместно с прокуратурой, с комитетом по делам несовершеннолетних, решили, что семья воспользуется патронатом программы защиты свидетеля по полной

– смена фамилии, адреса, замена паспортов... Ну и так далее, – Гушин посмотрел на Катю. – А ты что же, в статье все это собираешься раскрыть? Наизнанку вывернуть?

– Я не стану указывать ни настоящей их фамилии, ни адреса. Это же громкое дело, но оно закрытое. Федор Матвеевич, я тогда в отпуск уехала. А это случилось все за один месяц – убийства, потом вы его задержали в Дзержинске. И все – тайна. И суд был в закрытом режиме, никакой информации.

– Когда его задержали, сразу стало известно, что он психически больной. Что толку звонить во все колокола, когда эксперты сразу сказали – невменяем. Не ведал, что творил, а сотворил такое... Три недели весь юго-восток Москвы, наши районы, области как в кошмаре – где, когда проявит себя опять? И Шадрин себя проявил, да так, что... До сих пор, как вспомню картину места происшествия, меня тошнит. А ведь я тридцать лет служу, много чего повидал.

– Я читала только короткую справку – приложение, – сказала Катя. – Мне нужно ваше разрешение на использование материалов ОРД и дела из архива.

– Семья Шадрина всегда отрицала, что они знали о совершенных им убийствах. Мать и отец заявляли это на следствии не один раз.

– Они лгали, Федор Матвеевич, – убежденно парировала Катя. – Да вы и сами в этом уверены. Они и вам, и МУРу, и следователю лгали. Тем более что Шадрин – психически больной, такие ничего ведь не могут скрыть. Они его просто жалеют. Они жалеют своего сына-маньяка.

– И как же, интересно, ты собираешься добиваться от них правды?

– Ну, для начала я просто с ними встречусь, погляжу на них, побеседую, – Катя пожала плечами. – У меня еще пока нет четкого плана. Отказаться со мной говорить они не могут. Программа защиты свидетеля обязывает их к сотрудничеству с нами. Они подписали все документы, они дали свое согласие. Так что разговор мы начнем. А там увидим. Я стану, как обычно, задавать вопросы и ждать ответов на них. Я же криминальный репортер, не забывайте.

– Я никогда об этом не забывал, – Гушин кивнул. – Но и ты не забудь вот о чем. Это дело попало под колпак секретности не только потому, что Шадрин психически больной и невменяемый. Знаешь, что там случилось тогда, в мае, два года назад?

– Да, слышала разговоры в управлении. Наша сотрудница из Дзержинского УВД погибла при его задержании.

– Марина Терентьева, лейтенант, в отделе кадров она работала. Да, так мы написали в рапорте и во всех официальных документах – погибла при задержании, при исполнении служебного долга. Но все было не совсем так.

Катя внимательно посмотрела на Гушина – больной, простуженный, мрачный.

– А как, Федор Матвеевич?

– Она стала его четвертой жертвой. И это произошло не при задержании. Его задержали через два дня. Лейтенант Терентьева... она просто возвращалась домой в тот вечер, и он на нее напал, так же, как и на остальных. Сотрудник полиции – жертва маньяка, которого ловят все правоохранительные органы столичного региона... Мы посчитали, что это не подлежит огласке в том виде, в каком есть. Он растерзал ее как бешеный зверь, нашего лейтенанта, коллегу... Она не смогла себя защитить. Да и никто бы не смог. Но поди объясни это обывателю. Тогда в мае такие жуткие слухи гуляли от Вешняков до Люберец, от Рязанки до Дзержинска, мы не знали, как успокоить народ, население. А если еще выплыло бы, что его очередная жертва сотрудник полиции, такое бы началось... Люди решили бы – раз уж полиция себя от него защитить не в состоянии, то что уж нам делать, вооружаться, что ли? Ведь он намеренно это сделал – выбрал ее, Терентьеву, потому что она носила погоны. Вменяемый он там или нет... он сделал это нарочно, чтобы показать нам – с кем мы имеем дело.

Катя ждала, что он скажет что-то еще, продолжит, но Гушин умолк. Видимо, считал, что сказал достаточно – имеющий уши да услышит, имеющий разум – поймет.

– Какая теперь у них фамилия, у семьи? – спросила Катя после долгой томительной паузы.

– Все еще собираешься об этом деле писать?

– Да. Предельно корректно, Федор Матвеевич. В этом я даю вам свое слово.

– Его родителям заменили паспорта, брату и сестре свидетельства о рождении. У них теперь у всех девичья фамилия матери – Веселовские. Хороша фамилия для семьи Майского убийцы? Четыре жертвы за неполные три недели в мае.

– Они уехали из Дзержинска? Далеко? Я возьму командировку, хоть в Мурманск. Я уже договорилась со своим начальством.

– В Мурманск ехать не придется, – сказал Гушин. Он грузно поднялся из-за стола, открыл сейф, достал оттуда тоненькую красную папку, а также компакт-диск. – До Косина ты и на автобусе доедешь прекрасно.

– Они переселились в Косино?

– Черное озеро. Вот здесь их фамилия, номера паспортов, адрес и телефоны.

Катя открыла красную папку – всего два подшитых документа с гербовой печатью.

– Но сначала посмотри вот это, – Гушин вручил ей компакт-диск. – Это видео с похорон лейтенанта Терентьевой. Перед тем как начнешь писать статью, тебе полезно это увидеть.

Глава 6

Лекция

Лекция получалась немного сумбурной – так всегда, когда в аудиторию набивается слишком много студентов.

Аудитория в старом здании Московского университета с огромными окнами прямо на Моховую улицу. Белые широкие подоконники, белый мрамор, скрипучие старые ступени, потемневший дуб панелей.

И сам воздух здесь какой-то особый, да, конечно, очищенный мощными кондиционерами, но все равно терпкий, пьянящий как вино.

Золотые пылинки в лучах закатного солнца...

Запах воска, запах дерева, аромат духов, которыми пользуются студентки.

Оранжевые блики на чисто вымытых стеклах окон, смотрящих на Моховую.

Огромный демонстрационный экран на стене бледен, слайды, иллюстрирующие лекцию, видны на нем из-за солнца нечетко.

Но Мальвина Масляненко лишь крепче сжала лазерную указку. Она медлила нажать кнопку на пульте и опустить на окна жалюзи.

Такой чудесный вечер в старой аудитории университета. И столько студентов пришло, некоторые сидят даже на ступеньках в проходах, отложив сумки и рюкзаки, открыв ноутбуки, достав планшеты, и слушают ее, и записывают за ней, ловя жадно каждое слово.

Да, каждое слово...

Когда лектора... когда своего преподавателя студенты слушают вот так, это чего-то стоит.

Ох, это и есть истинное вдохновение! И пусть, пусть лекция выходит сегодня немного сумбурной, зато она блестящая, оригинальная, она чрезвычайно информативна.

Конечно, все, возможно, гораздо более прозаично – сегодня в старой аудитории собралось столько народа, потому что на носу экзамены, сессия. Студенты стараются, что называется, впрок наглотаться знаний, чтобы потом не корпеть над скучными учебниками и не торчать в библиотеке.

Но Мальвине Масляненко, отлично все это понимающей – она же преподаватель, лектор, – хочется думать, что не угроза экзаменов, а ее лекция, ее блестящая речь привлекает в аудиторию слушателей.

Она лишь крепче сжимает в руке лазерную указку, убирает со лба волосы и продолжает лекцию:

– Таковы рассмотренные нами провансальские тексты той эпохи, чрезвычайно существенные для понимания культурной среды, в которой формировался этот сборник «Жизнеописания трубадуров». Роль, которую сыграли «Жизнеописания» в становлении не только французской, но и ранней итальянской литературы, огромна. При более подробном знакомстве с текстами вы проведете сравнения и ознакомитесь со старинными, самыми первыми комментариями к «Божественной комедии» Данте и «Триумфам» Петрарки. Поэтическая перекличка текстов, возможно, поразит вас, и вы откроете для себя удивительные вещи, вчитываясь в фрагменты латинских хроник и папских эпистол, к которым имеются отсылки...

– Почему у него в руке отрубленная голова? Да к тому же его собственная?

Этот вопрос с места задала студентка в белой майке с логотипом Apple, сидящая чуть ли не под самым потолком на заднем ряду над головами других, но обладавшая чрезвычайно громким противно настырным голосом.

Она указывал на бледный экран, где в лучах закатного солнца возник новый слайд: мощная обнаженная фигура, потрясающая собственной головой, которую этот ходячий труп дер-

жал за волосы. Голова что-то беззвучно орала, широко распялив свой рот. На переднем плане рисунка корчились раненые, а две фигуры в левом нижнем углу все это созерцали с ужасом. Одна из фигур – высокая, в лавровом венке.

– Вот как раз пример этой самой поэтической переключки. Это иллюстрация Гюстава Доре к «Божественной комедии». Вы видите, как сам Данте и Вергилий – вожатый поэта – встречают знаменитого трубадура Бертрана де Борна, упомянутого в «Жизнеописаниях», в аду. И тот несет отсеченную от тела собственную голову. – Мальвина Масляненко нажала кнопку на пульте и наконец-то опустила жалюзи на окна аудитории.

На мгновение стало темно, затем вспыхнул боковой свет. Экран на стене стал ярким, четким. Все узрели старинную гравюру.

– Трубадура казнили? За что? За его стихи? – спросила блондинка – студентка с первого ряда.

– Апрельский сквозняк, блеск утр и свет вечеров, и громкий свист соловьев... И расцветающий знак, придавший ковру поляны праздничную пестроту... И радости верный знак, и даже Пасха в цвету гнев не смягчают моей дамы – как прежде... Разрыв глубок, но я подожду...

Мальвина Масляненко обвела глазами полную аудиторию. Какое же счастье, когда они слушают ее!

– Я подожду, – повторила она строчки стихов. – За такие стихи разве можно казнить?

– Но Данте ведь поместил его в ад, – возразил кто-то из прохода.

– Ибо я даму нашел без изъяна и на других не гляжу. Так одичал от любви – из капкана выхода не нахожу! Взор ее трепетный – мой властелин на королевском пиру, зубы – подобие маленьких льдин блещут в смеющемся рту, стан виден гибкий сквозь ткань пелерин, кои всегда ей к лицу. Кожа ланит и свежа и румяна – дух мой томится в плену. Я откажусь от богатств Хорасана – дали ее б мне одну!

– Он же так многим писал, вы сами говорили, он был страшный бабник этот рыцарь!

– Да, бабник, забияка, хулиган и поэт, – Мальвина звонко ответила студенту с задних рядов.

– Значит, его казнили за распутство?

– Всю жизнь я только то и знал, что дрался, бился, фехтовал. Везде, куда ни брошу взгляд – луг смят, двор выжжен, срублен сад. Пуатевинца жирный зад узнает этой шпаги жало! И будет остр на вкус салат, коль в мозги покрошить забрало!

Мальвина подняла руку с лазерной указкой, и алое пятнышко заскользило по обнаженной фигуре Бертрана де Борна, рыцаря и трубадура, размахивавшего собственной отрубленной башкой в аду.

В каком там круге ада? Не сбиться бы со счета...

– Бертран де Борн был знатный рыцарь и владетель замка, беспрестанно воевал со своими соседями, графом Перигорским и виконтом Лиможским, и братом своим родным Константином и с королем Ричардом Львиное Сердце. Еще в ту пору, когда тот был молод. Был он доблестный воин и храбр в битве и куртуазный поклонник дам и трубадур отличный, сладкоречивый, равно умевший рассуждать о добре и зле. Когда б ни пожелал, всегда он умел заставить короля и сыновей его поступать по своей указке. А желал он лишь одного – чтобы все они друг с другом воевали. Желал, чтобы все время воевали между собой король французский и король английский. Когда же они уставали... и насыщались кровью, и заключали мир, Бертран стихами своими старался обоим внушить, что себя они этим миром опозорили, пойдя на уступки, и мир разрушал. От войны и крови получал он великие блага, но и бед претерпевал немало. – Мальвина Масляненко остановила алое пятнышко лазерной указки точнехонько в отверстом рту отрубленной головы трубадура. – Вы видите, уже в то время автор «Жизнеописаний» вполне критически относился к личности нашего поэта-рыцаря. Но это не мешало ему Бертраном восхищаться безмерно.

– Так за что все-таки он попал в ад блуждать там с собственной отрубленной головой? – спросила тоненьким жалобным голоском студентка откуда-то сбоку – Мальвина Масляненко ее даже не разглядела. – Вы, госпожа лектор, отчего-то постоянно уходите от прямого ответа на этот вопрос.

– Я ухожу? Да что вы, – Мальвина улыбнулась, освещая лазерным алым пятнышком раскрытый в немом крике рот Бертрана де Борна. – Я просто хочу, чтобы вы сами поняли, за что поэт, слагающий стихи о любви для своей дамы, может очутиться в аду вот в таком ужасном виде.

– Он попал в плен к кому-то из королев – Ричарду Львиное Сердце или его противнику и его казнили? – Голос из прохода у дверей аудитории.

– Или его застукали в постели королевы? Он ее соблазнил своими стихами? Только вот которую из королев? – Голос с верхотуры, с задних рядов.

– Да его просто убили в бою! Отрубили голову и насадили на пику! – голос с первого ряда.

– А может, это был заговор?

– Или к нему подослали наемных убийц?

– Да, его решили прикончить, потому что он всех достал своими стихами!

Мальвина Масляненко уже не различала, кто из студентов задает вопросы, тянет руку – целый лес рук поднялся над рядами, голоса звучали отовсюду.

Ах, какая лекция, какой ажиотаж! Как они все загорелись, как хотят знать... Жажда знаний, жажда нового, кто сказал, что студенты люди малосведущие и не любопытные? Когда преподношишь скучный сухой филологический материал вот так, когда читаешь свою лекцию оригинальным способом, то просыпается такой жгучий интерес – у них. А у тебя – такой драйв...

– Его любили многие женщины. Но в его душе царствовала всегда одна «прекрасная дама», и напрасно мы будем искать конкретное лицо... Может, оно и было, но Бертран хранил ее имя в тайне, воспевая в стихах так называемую Составную Даму, чей образ он сложил из многих черт милых и прелестных, приятных и заставлявших его пылать, желать, гореть, страдать... Они же, все эти рыцари, были тогда день-деньской облачены в железные латы. Трудно мастурбировать мужику в латах, в таком наряде. Практически невозможно. Значит, остается слагать стихи.

– Ого!! – пронеслось по рядам университетской аудитории. – Госпожа лектор, ну вы даете!

– Я хочу, чтобы вы представили... Представили себе все сами. Молодые люди знают, о чем я, девушки догадаются.

– Круто!!

– Дама мне уйти велит, ваш безжалостный приказ... Но, вовек покинув вас, не найду другую. Ваш отказ меня потряс... О-о-о-о, когда б желать как вас Даму Составную!

Мальвина Масляненко произнесла это самое «О-о-о-о!» Бертрана де Борна так протяжно и громко, что все голоса в университетской аудитории разом смолкли. Наступила тишина.

– Все, дорогие мои коллеги, лекция окончена. Попрошу вас ознакомиться с текстами на французском и записать идеи и мысли, если они у вас возникнут по ходу чтения, это всегда помогает при дальнейшем анализе. В следующий раз мы поговорим с вами о поэтах Плеяды.

– Так за что все-таки Данте поместил трубадура в ад? – спросила студентка в белой майке с логотипом Apple.

– Ах, вы считаете лекцию без этого не оконченной? Надо поставить точку? – Мальвина Масляненко улыбалась.

Она была сегодня очень довольна – и лекцией, и собой, и этой атмосферой в аудитории. Они заинтересовались всерьез, они даже не вскочили с мест, как обычно, устремляясь к выходу. Студенты сидели на местах как пришитые. Они хотели знать.

– Бертран де Борн не погиб в бою, и его не казнили, он умер, когда пришло время ему, поэту, покинуть этот мир, – сказала она. – Но другого поэта это не устроило. Поэты, они ведь такие люди... сложные по своей натуре. Этим другим был Данте Алигьери, и силой его фантазии трубадур Бертран очутился в «Божественной комедии» в аду как поджигатель военных конфликтов. В наказание он вечно обречен нести по адскому кругу свою отсеченную от тела голову. Она читает стихи, вот тут на этой гравюре... Прислушайтесь, разве вы не слышите, как эти мертвые губы все еще бормочут собственные стихи?

Чей гибок был стан, чей лик был румян,
Кто бился и пел – лежит бездыхан.
Увы, зло из зол! Я встал на колени...
О-о-о-о! Пусть его тени
Приют будет дан
Средь райских полян...

Глава 7

Четвертая жертва. похороны

Вернувшись от полковника Гущина к себе в кабинет Пресс-центра, Катя внимательно прочла оба документа из красной папки. Затем она включила ноутбук и поставила диск.

Видеосъемка...

Дзержинский УВД – двери его распахнуты настежь. Во дворе, обычно забитом патрульными и оперативными машинами, столько людей – не протолкнуться.

Люди в полицейской форме, люди в гражданском и цветы, цветы, цветы – море цветов.

Камера снимает улицу перед УВД – она вся тоже запружена народом. Люди стоят на тротуарах, на проезжей части, люди скорбно застыли у машин с полицейскими мигалками – океан людей, словно весь город собрался здесь... И Москва приехала, и из областного Главка приехал народ, и с Петровки, 38, и из министерства, и с окрестных улиц и дворов, из близких мест, из дальних – отовсюду.

Похороны...

Сотрудника полиции хоронят сегодня в городе...

Сотрудницу...

Лейтенант... не он, а она...

Молодая?

Очень молодая...

Красивая была?

О, да...

Посмотрите на фото...

Катя, глядя на экран, видела, слышала негромкие разговоры в толпе, уловленные камерой и микрофоном.

Похороны лейтенанта полиции Марины Терентьевой.

Вот она какая была...

В толпе перед УВД девушки в полицейской форме держат большую фотографию. Девушки в полицейской форме плачут, ни от кого не скрывают своих слез.

В толпе люди тоже плачут. Женщины – в форме и в штатском.

Мужчины... мужики не плачут, но по их лицам... По их лицам, которые сейчас показывает видеокамера...

Море цветов – алых и белых роз, лилий, хризантем, орхидей...

Море цветов... море колышется раз... море колышется два...

Все новые и новые фотографии плывут в поднятых руках над толпой – чтобы все видели, *какая она была...*

Чтобы все запомнили лейтенанта Марину Терентьеву – такой.

Лейтенант полиции с фотографии улыбается, она думает о чем-то хорошем – такая у нее там, на фото, улыбка.

Катя смотрит на мертвого лейтенанта Марину Терентьеву.

В распахнутых дверях УВД появляется гроб. Закрытый, черный, с полированной крышкой.

Его несут сотрудники в парадной форме.

Оркестр МВД начинает играть похоронный марш.

Почетный караул – винтовки, белые перчатки, фуражки.

Гроб плывет над толпой среди цветов... Вот его уже почти не различить – потому что розы, лилии, хризантемы, орхидеи, тюльпаны покрывают его точно пестрым траурным ковром.

– Каждый представляет себе смысл жизни... Путь, который ему подходит. Но некоторые выбирают очень трудный путь и проходят его до конца...

– Когда так мало лет... несправедливо, что надо умирать...

– Она такая прекрасная на фотографии...

– Если все время следовать путем, что ты выбрал, никуда не сворачивая, презревая опасность и страх...

– Она всегда хотела быть только полицейским, она избрала для себя эту профессию...

Траурная процессия начинает свой последний марш по тихому городу. Сотрудники полиции, горожане, народ, граждане...

Никакого официоза, никаких помпезных речей...

Они все говорят в толпе то, что на сердце, и Катя их слышит.

– Она в одиночку кинулась его задерживать... ну того, вы знаете, о ком я... А он ее убил... Бешеный волк...

– Она... Марина всегда была храброй...

– Да, очень храброй, если бы не она... Его взяли наконец-то, и это ее заслуга...

Оркестр...

Похоронный марш...

Цветы как саван...

Саван из лепестков...

– Трудно умирать молодым...

– Страшно умирать вообще...

Катя просмотрела всю запись до самого конца. И кладбище. И поминки в городском ресторане.

Слезы...

Залп почетного караула...

Глухие рыдания...

Новый залп – последний салют.

И стая птиц – испуганная выстрелами, взметнувшаяся в майское небо с кладбищенских лип.

Это было в подмосковном городе два года назад.

Теперь это уже – почти легенда.

И сама Марина Терентьева – почти легенда там... городской мрачный миф о красавице, которая билась с чудовищем насмерть. И не спаслась.

Катя выключила ноутбук. Долго сидела, не шевелясь, точно силы, прежняя решимость, любопытство, рабочий азарт криминального репортера внезапно покинули ее, улетучились как дым.

А может, полковник Гущин прав? Надо ли ворошить всю эту историю, если окончание ее – вот такое – почти что новая городская легенда о герое полицейском, погибшем при исполнении служебного долга?

Так все было или не так, но миф уже есть, он существует в умах горожан и... там ведь все кончено в этом деле. Маньяк пойман и сидит в психиатрической клинике. Его упрятали туда навсегда.

А что там думали и знали его родные, его семья – так ли уж это и важно?

Если тебе так уж невтерпеж дома в тоске и печали, во всех этих своих воспоминаниях о прошлом, угрызениях совести, гордыне и одиночестве... может, не стоит принимать *вот это* лекарство... вот это горчайшее смертельное лекарство от собственной скуки? Чужое горе, чужая боль... Это не допинг от одиночества. Если уж *это* воспринимать как допинг, то это просто какое-то извращение, душевный перекос.

Но Катя... упрямая Катя не послушала свой внутренний голос, который вот так – может, не слишком приятно, без церемоний предупреждал ее там, в кабинете Пресс-центра.

Толстый солидный умный ведомственный журнал заказал ей статью. И она жаждала эту статью написать. Ей всегда казалось, что она способна на что-то большее, чем все эти криминальные ушлые репортажики для криминальной полосы в интернет-изданиях.

Да в тот миг упрямство и любопытство – главная, самая страстная черта ее природы – все же пересилили здравый смысл и внутренний голос. Катя и представить себе не могла, *с чем она столкнется в самом недалеком будущем. Какие ужасные, пугающие, невероятные события впереди.*

Она вытащила диск из ноутбука и положила его в красную папку к документам с новым адресом семьи серийного маньяка.

Но перед тем как ехать туда к *ним*, она решила посетить Дзержинский УВД.

Марина Терентьева, лейтенант полиции – на ней все и закончилось. Перед тем как встретиться с семьей, надо не только читать уголовное дело и оперативно-розыскные данные, но лично побеседовать с теми, кому известен самый конец этой истории.

На следующее утро Катя отправилась в подмосковный город Дзержинск.

А там в УВД – самый обычный рабочий день. Временами скучный, вялый, конфликтный, временами внезапно начинающий бурлить и пузыриться, как крутой кипяток. Сотрудники заняты делами, уголовный розыск хмур и не склонен к праздному общению, коридоры полны свидетелей, вызванных по разным делам на допросы. В приемной начальника УВД тоже народ.

Но Катя переговорила с секретаршей, и та, доложив, пропустила ее сразу – человек из Главка не может ждать.

Катя поздоровалась с начальником УВД и сказала:

– Я не отниму у вас много времени. Я по делу Родиона Шадрина.

Начальник УВД молча указал на кресло. Крупный, полнокровный, оживленный, холерик по жизни, он как-то сразу потемнел лицом, едва лишь Катя назвала это имя.

– Точнее, не только из-за него, а из-за Марины Терентьевой. Я смотрела видео с ее похорон вчера и... Вы ее хорошо знали, да?

– Она работала в нашем отделе кадров пять лет. За все годы никаких нареканий, только благодарности. Она училась заочно в Правовом институте. У нас в управлении ее помнят. Таких людей надо помнить всегда. Она ведь погибла при задержании.

Тут Катя подумала, а стоит ли задавать свой следующий вопрос после вот такого ответа. Городская легенда... миф, как песнь песней он уже сложен здесь и звучит... А как там все произошло на самом деле... Но она собралась с духом, приготовилась даже к тому, что ей сейчас, возможно, укажут на дверь. Ей – человеку из Главка, который покушается на местный миф. На легенду о герое.

– Можно вас попросить?

– О чем? – начальник УВД посмотрел на Катю.

– Расскажите мне все, пожалуйста, так, как было. А не так, как описано в рапортах. Как в рапортах, я знаю. И я... я бы тоже так все написала. Потому что это правильно, это нужно. Но сейчас мне надо знать правду.

– Для чего? – спросил начальник УВД.

– Потому что я изучаю дело Шадрина, его семью. Хочется, чтобы такое больше никогда не повторилось. Может, найдется какая-то полезная для будущих расследований информация, какие-то общие законы, правила...

Катя лукавила, и начальник УВД – человек мудрый это сразу просек.

– Статью пишете про маньяка, сенсацию вам подавай?

– Нет, то есть да, я пишу о нем статью. Не сенсация меня интересует, а его семья и то, что они все знали. Они были в курсе, что он творил. Но на следствии лгали, все отрицали. Я уверена в этом. Я хочу это доказать.

– Что? – спросил начальник УВД. – Что вы сможете доказать? Не смешите меня, девушка.

– Капитан полиции, – вежливо поправила Катя. – Я постараюсь, я вам обещаю. Помогите мне тут, в Дзержинске. Он, Шадрин, ведь жил здесь. И она тоже тут жила, его четвертая жертва, лейтенант Терентьева.

– Они жили всего в квартале друг от друга. А убил он ее на соседней улице. Там старую котельную снесли и строили новый дом, но тогда, два года назад, фирма лопнула, обанкротилась, и строительство законсервовали. Подойдите к окну.

Катя встала и подошла к окну.

– Видите высотный жилой дом?

– Да, вижу.

– Дом теперь стоит там, где он ее убил. Она возвращалась домой в девять вечера. В кадрах всегда полно работы, они там вечно засиживались допоздна. Тут пешком всего четверть часа, а автобуса ждать только время потеряешь. Было светло, май месяц. Он сначала оглушил ее сзади, затащил туда, на стройку и сбросил в котлован. И спустился сам. И уже там все и произошло.

– Она была в форме полицейского?

– Нет, она на работе переодевалась, сотрудникам отдела кадров надлежит всегда быть в форме на рабочем месте. Домой она возвращалась в обычной гражданской одежде.

– Я слышала версию, что Шадрин выбрал ее намеренно как сотрудника полиции, чтобы показать... ну, показать, с кем мы имеем дело, что он не боится убивать и наших.

– Да, эта версия верная.

– Как, по-вашему, он узнал, что она полицейский?

– Он из нашего города, родился тут, вырос. Они жили практически на соседних улицах. Он знал, кто она и где работает.

– Может, следил за ней перед убийством?

– Возможно.

– У вас же много камер на здании и по периметру, что-то было на пленках?

– Нет. Шадрин мы на пленках тогда так и не увидели. Прятался от нас он весьма искусно.

– Он ведь психически больной. Он способен искусно прятаться?

– Он с детства страдает аутизмом. Это и есть его болезнь. Многие с этим неплохо живут всю жизнь. И он жил. Играл в рок-группе, барабанил в свои барабаны. Чувство ритма – мне коллеги в Главке говорили, у него почти что гениальное чувство ритма. Вот вам и психически больной.

– Кто обнаружил тело Терентьевой?

– Наш патруль. Ее мать около полуночи позвонила дежурному – спрашивала, не задержана ли Марина в каком-то рейде, мол, домой она не вернулась и ее мобильный не отвечает. Мы... мы сразу же подняли всех, весь отдел по тревоге. У нас тут и так весь тот май был... сами понимаете, должны помнить, что творилось тогда и в Москве, и здесь в связи с теми убийствами.

– Я в отпуск ездила, его уже задержали, когда я вернулась.

– А, тогда ваше счастье. Мне до сих пор тот май снится. В ту ночь мы сразу прошли маршрутом, которым она ходила домой – подруги в отделе об этом все знали. И в котловане, когда стали с фонарями все на стройке осматривать, мы ее нашли.

– А как вы вышли на Родиона Шадрина? Как вы его задержали?

Начальник УВД помолчал.

– Это не мы его задержали, – ответил он после паузы.

– А кто?

– Из Главка приехала опергруппа, полковник Гуцин. Они нам ничего не объяснили тогда. Сразу же поехали по тому адресу на Кирпичную улицу, где Новые дома.

– Шадрина задержал полковник Гуцин? – переспросила Катя.

– Так точно. Винил меня, наверное, что я лейтенанта Терентьеву не уберег. Я тогда готов был рапорт подписать... уже написал на уход с должности... Мне не подписали мой рапорт.

Катя помолчала, собираясь с мыслями.

– Выходит, на месте четвертого убийства теперь дом стоит, люди там живут, – сказала она. – Ничего не осталось от того котлована.

– Выходит, что так.

– А где он сам жил? Вы сказали, Кирпичная улица, Новые дома... Он там жил со своей семьей? Это далеко от места убийства Марины Терентьевой?

– Нет, если пешком – минут двадцать. Вряд ли он тогда в автобус или в маршрутку полез, в кровище ведь весь с ног до головы.

– С ног до головы в кровище? – переспросила Катя.

– Он ей нанес больше двадцати ран, там, в котловане, – сказал начальник УВД, – Сначала оглушил, сбросил тело, прыгнул туда сам на самое дно. Там он ей горло перерезал и нанес раны в низ живота в область половых органов. Орудовал как мясник на бойне.

– Можно попросить у вас его прежний адрес, в Новых домах? Я знаю, они ведь уехали из города... его родители и дети, брат и сестра... Кто теперь живет в их квартире?

– Никто. Квартира их, только закрыта. Шестой дом, двадцать шестая квартира – видите, наизусть до сих пор помню адрес. Новые дома – это... целевая городская программа по улучшению условий жизни многодетных семей. Моя жена в комиссии при мэрии, они занимались и семьей Шадриных. Это уж потом мы все вспомнили тут, когда ясно стало, что это *он*, когда забрали его на Никитский к вам. Здесь у нас все шерстить стали, всю подноготную их семейки. Так вот под программу они не подходили тогда – трое детей всего, но он ведь, этот подонок, инвалид детства – аутист. И в комиссии решили... В общем, решили облагодетельствовать семью, заменили их старую квартиру в блочном доме на новую, четырехкомнатную в Новых домах. Видно, кто-то похлопотал за них наверху. Мэр Подмосковья их навещал там, представляете? Простый мэр, такая получилась реклама, по радио, по местным телеканалам, такая помпа... Если бы тогда нам стало известно, какие возможности у этой дражайшей семейки, мы бы...

– Какие возможности? О чем вы?

Но начальник УВД лишь махнул рукой, и лицо его ожесточилось.

– Квартирой они владеют. Не сдают. Тут в городе сдать ее никому из местных нельзя, не поселится никто из местных. Но приезжих хоть отбавляй сейчас, гастарбайтеров, этим все равно, лишь бы крыша над головой была и плата не кусалась. Но семейка квартиру не сдает.

Катя записала на бумажке – шесть, двадцать шесть, Кирпичная. Она поблагодарила начальника УВД и покинула управление.

Путь ее лежал к тому высотному дому. И она увидела его как маяк, пройдя, возможно, тем самым путем от здания УВД до...

Никакого котлована, никакой ямы в земле, где Шадрин убивал, кромсал свою четвертую жертву. Новый с иголочки современный многоэтажный дом с подземным гаражом и баннерами на каждой лоджии – «Аренда и продажа квартир!».

На автобусной остановке Катя спросила, как пройти до Кирпичной, до Новых домов.

– Вот на автобус садитесь, тут всего три остановки.

– Спасибо, но я лучше пешком, как пройти, подскажите, пожалуйста.

Женщина с хозяйственными сумками, у которой Катя спросила, воззрилась так, словно увидела призрака.

– А зачем вам туда?

– Я... мне нужно, у меня там дело.

– А... ну, если дело у вас там, – женщина внимательно разглядывала Катю – чужую в городе Дзержинске.

Вот так... два года, новый дом на месте убийства, а память, а городская легенда крепка... И это не в словах, не в вопросах, это во взглядах – там, на самом дне темных зрачков.

– Можно по улице, можно дворами, как уж вы хотите, – сказала женщина. Ее автобус посигналил ей – давай садись, что застыла? В маленьких городках водители ждут пассажиров, не то что в больших городах, где норовят перед самым носом захлопнуть двери.

– Вечерами... какой путь самый темный?

– Что вы сказали, простите?

– Где фонарей меньше, уличного освещения?

Женщина не сводила с Кати пристального взора.

– Тогда... раз уж так надо в Новые дома... ступайте дворами. Вот сюда за ракушки и двором, потом следующим, там опять гаражи. За ними дома, но там лишь лампочки над подъездами вечерами и окна горят. А больше-то ничего.

Катя поблагодарила. И свернула во двор. Она была уверена, что идет тем самым путем, которым Родион Шадрин возвращался после убийства Марины Терентьевой.

Домой торопился...

К своей семье.

Все время держась в тени, во тьме, избегая фонарей.

Через тихие безлюдные ночные дворы.

Она ожидала от этих Новых домов все что угодно – пыли, плесени, затхлости, смрада, как от логова, где обитало чудовище.

Но дома оказались самыми обычными новыми домами, каких сотни в Подмосковье. Новый микрорайон с тщательно распланированными автостоянками, детскими площадками и чахлыми деревцами, которые посадили на очередном городском субботнике коммунальные службы.

Катя подошла к шестому дому, и... ей даже не потребовалось входить в подъезд, чтобы определить, где та самая двадцать шестая квартира.

Она увидела, узнала ее сразу – закрытая ролл-ставнями лоджия справа на третьем этаже.

На всех остальных лоджиях по причине жаркого майского дня... ведь опять на дворе стоял май... так вот на всех лоджиях распахнуты окна и двери.

И лишь третий этаж навечно отгорожен от света.

Запечатан наглухо, словно комнаты смерти.

Глава 8

Опередили!

Вернулась Катя из Дзержинска в Москву в Никитский переулок, где располагался Главк, в половине второго, а это значило, что в архиве Главка, который она намеревалась посетить, чтобы посмотреть дело Родиона Шадрина, обеденный перерыв.

Тогда она решила пообедать сама, вышла из ГУВД на Никитскую улицу... столь любимую ею, почти родную Никитскую улицу и добрела до кафе в здании консерватории.

Сколько воспоминаний связано с этим кафе, и счастливых и печальных. Но Катя в эту минуту не собиралась предаваться думам о былом. Она заказала пасту болоньезе и овощной смузи, секунды три созерцала памятник Чайковскому, летнюю веранду кафе и припаркованные рядом с ней мотороллеры и велосипеды и тут же углубилась в свой планшет. Медленно перелистала фотографии, которые она сделала в Дзержинске. Вот новая высотка на месте убийства, а вот и Новые дома, окна *его* квартиры, закрытые от мира.

Все *новое* там, в этом Дзержинске, из которого они все... вся семья серийного убийцы переехала в Косино.

Она еще раз проверила адрес – опять-таки новый, выписанный ею из документов красной папки, пообедала, попробовала смузи, посолила его посильнее, выпила и решила, что пора идти в архив за секретным делом.

– Вот у меня допуск, подписанный начальником управления криминальной полиции. Литера S, дело Родиона Шадрина, и материалы оперативно-розыскного плана.

Сотрудник архива едва взглянул на разрешение – допуск, который протягивала ему Катя.

– Ничем не могу вам помочь.

– То есть? – Катя опешила.

– Дело сегодня утром уже выдано на ознакомление. Тоже литера S, подписано не только начальником криминальной полиции, но и начальником ГУВД.

– Но я же только вчера разговаривала с полковником Гуциным, и он мне обещал... Сегодня выдали дело? А кому?

Сотрудник архива бесстрастно смотрел на Катю.

– Это дело Родиона Шадрина, самого известного и страшного за последние десять лет серийного убийцы, – сказала Катя. – Вы все отлично понимаете, что это за дело и материалы ОРД. Я что, кроме разрешения, еще и удостоверение свое должна предъявить, вот... вот мое удостоверение, чтобы вы знали, кому дело выдаете, и занесли файл в картотеку. Так кто меня опередил? Кто он, тот, кто забрал дело Шадрина?

– Из Орла сегодня приехали в командировку. Главврач Орловской психиатрической больницы и его секретарь – интерн. Дело Шадрина выдано им на ознакомление по особому распоряжению начальника Главка.

– Главврач Орловской психиатрической больницы приехал?

– Он же там лечится, этот ваш маньяк.

– Да, я знаю, но... зачем они в Главк явились?

– Я так понимаю, что за делом уголовным, снова читать все материалы, – сотрудник архива разговаривал с Катей покровительственно, как с несмышленьшем. – Как ваша фамилия? Капитан Петровская? У меня тут для вас пакет оставлен из сопроводительных материалов уголовного дела. Вот, получите, распишитесь. Это можно выносить из архива, только вернуть должны мне сюда до восемнадцати ноль-ноль. Завтра получите снова, если сегодня не закончите изучать.

– А кто оставил для меня этот пакет?

– Полковник Гущин.

Катя забрала пакет – тоненький, плотный, заглянула – в нем опять какая-то папка, из картона.

Она хотела сразу ринуться в приемную Гущина узнать, в чем дело? К чему все эти непонятные странности?

Но любопытство пересилило. Нет, сначала мы почитаем, что там в этой новой папке.

Катя поднялась к себе в кабинет Пресс-центра на четвертый этаж, включила ноутбук, включила планшет, вытащила из сумки мобильный – что называется, обложила со всех сторон гаджетами и достала из пакета картонную папку.

Несколько документов, фотографии, протокол допроса, и... снова диск для просмотра.

И это все???

Первый документ она узнала по грифу – такие в ОРД, в делах оперативной разработки. Но это ксерокопия. Фамилии, имена, возраст, место работы и фотографии – прижизненные и посмертные.

Катя поняла, что она держит в руках список жертв серийного маньяка.

Она стала просматривать фотографии. Жертв четыре, а фотографий всего шесть. Из-за того, что это ксерокопии, все нечетко и смазано. Может, это и к лучшему сейчас... потому что посмертные фотографии запечатлели жертв такими, какими они стали после того, как Родион Шадрин...

Орудовал как мясник... так о нем сказал начальник Дзержинского УВД.

Катя ощутила внезапную тошноту. Если уж ее вот так ведет, корчит от этих снимков, на которых мало что видно, а то, что видно – пугает до дрожи, то что станет с ней, когда она все же откроет уголовное дело со всеми фотографиями со всех мест убийств?

Она просмотрела фамилии, имена, возраст, место работы. Это у третьей жертвы, Аси Раух двадцати восьми лет, нет фотографий. Лишь указано ее место работы – Единый расчетный центр столичного округа, тут и адрес. Это Москва, район Вешняки.

Что это может значить, что фотографии не приобщены? Только одно. Они столь ужасны, что с них нельзя делать копий. Это все строго конфиденциально в уголовном деле.

Катя сделала на ксероксе копию с копии. Затем обратилась к протоколу допроса.

Дата – 3 июня, протокол двухлетней давности. Место допроса – ГУВД области. Личность допрашиваемого – Шадрин Роман Ильич.

Сначала Катя решила, что это он, сам маньяк, это его допрос, но затем вспомнила – нет, он же Родион. А это Роман... и возраст гораздо старше. Это же его отец.

Она держит в руках протокол допроса его отца, главы семьи, породившей маньяка.

ОТВЕТ: Вы же только что допросили мою жену, она вам, наверное, все рассказала, мне нечего добавить к ее словам...

ВОПРОС: Откуда вы знаете, что она нам рассказала. Вы же не присутствовали на допросе, Роман Ильич. Или это означает, что вы с женой уже заранее договорились о том, что говорить, а что не говорить в кабинете у следователя?

Катя на секунду оторвалась от текста. Вот... вот оно, уже в этом допросе можно отыскать кончик этой лживой веревочки, когда семья, родители лгут ради собственного чада. Это единственный случай в уголовно-процессуальной практике, когда статья «Дача заведомо ложных показаний» не работает. Никто никогда еще всерьез не привлекал родителей и членов семьи, близких членов семьи – жену, мужа, взрослых детей за дачу ложных показаний, которыми они выгораживали своего родственника – преступника. Статья существует, но как бы и не для них. Это словно некий негласный немой договор... Видимо, считается, что это ложь во спасение... Или же это последний, самый окончательный акт милосердия – к ним... к людям, породившим чудовище.

Но надо ли быть к ним столь милосердными?

ОТВЕТ: Я бы хотел предупредить вас, правоохранительные органы, прежде чем вы начнете... ну, всю эту вашу работу по расследованию с нашим мальчиком, с Родиошей... вы должны понять, запомнить – он болен. Он серьезно болен. И он был больным с рождения. Жена принесла вам его больничную карту и другую больничную карту из психдиспансера. И медицинские справки.

ВОПРОС: Какой же диагноз?

ОТВЕТ: Врожденный аутизм. Родиоша таким родился. Он учился в коррекционной школе. Мы с женой заботились о нем, делали, что могли. Но он... вы же понимаете... аутизм есть аутизм. Это неизлечимо.

ВОПРОС: Сейчас он взрослый, ему двадцать пять лет. Вот у меня данные – он работает.

ОТВЕТ: Это никакая не работа. Да что вы! Они просто с товарищами играют музыку. Он играет в музыкальной группе. Там один парень сочиняет, аранжирует или, как это называется, – оркеструет, а наш... а Родиоша, он с детства очень хорошо, очень чутко чувствовал ритм. Может повторить любое ритмическое сочетание почти мгновенно.

ВОПРОС: Кто же он в этой музыкальной группе? На каком инструменте играет?

ОТВЕТ: Он ударник. Не в смысле, что хорошо трудится, а в смысле игры на ударных... на барабанах.

Катя отметила – как чудно отвечает этот самый Роман Ильич Шадрин. Тогда, два года назад, он, его отец, носил свою прежнюю фамилию. До программы защиты и смены всех паспортных данных еще далеко. Но как он чудно изъясняется, объясняет самые простые вещи так подробно. Или дураком прикидывается на допросе, или, скорее всего, просто тянет время, собирается с мыслями, чтобы не сболтнуть ненароком лишнее.

ВОПРОС: Ваш сын постоянно проживал с вами?

ОТВЕТ: Естественно, с самого детства.

ВОПРОС: У вас есть еще дети?

ОТВЕТ: Да, двое младших – Любочка и Фома, они учатся в школе. Не подумайте, с ними все нормально. Это хорошие здоровые дети. Мы с женой решили, что родим здоровых детей. А для Родиоши мы всегда делали, что могли. Мы и сейчас делаем, что можем. Наша семья...

ВОПРОС: В апреле и мае этого года ваш сын тоже проживал вместе с вами? Он не снимал квартиру? Не жил где-то у приятелей? По другому адресу, не в Дзержинске?

ОТВЕТ: Нет, он проживал с нами. У него своя комната. Это его мир. И мы с женой это уважаем.

ВОПРОС: А репетировал он где? Ударные инструменты – это же очень громко.

ОТВЕТ: А это... у них есть помещение, у рок-группы, они в Москве где-то в Замоскворечье. Старая Москва, знаете ли, такие красивые особняки. Они... ну группа, они снимали или купили студию, там богатые парни... Впрочем, я особо-то не в курсе, только лишь то знаю, что жена мне говорила. С Родиошей ведь не очень побеседуешь о его делах. Он чрезвычайно замкнут. Порой и слова от него целыми днями не добьешься.

ВОПРОС: Как называется музыкальная группа?

ОТВЕТ: «Туле»... Да, кажется, «Туле»... Странное название, вы не находите? Я пытался с ним говорить на эту тему, вы не подумайте, мне ведь как отцу не все равно. Но я повторяю, с Родиошей порой общаться очень трудно. Он в своем мире. И редко оттуда выходит в наш мир реальный.

ВОПРОС: Вы говорите, ваш сын болен с детства, у него есть какой-то особый распорядок? Когда он встает, когда принимает лекарства, когда уходит из дома, когда возвращается?

ОТВЕТ: Раньше, когда он еще в школе учился в коррекционной, у него имелся некий ритуал... в общем некоторые действия он любил повторять и... это особенность его недуга, поймите. Но с тех самых пор, как он познакомился с ребятами и начал играть в этой рок-

группе... Знаете, музыка оказывает порой потрясающее терапевтическое воздействие. Он словно ожил, и мы с женой так этому радовались, потому что...

ВОПРОС: Я спрашиваю вас, Роман Ильич, в мае и апреле сего года когда ваш сын обычно уходил из дома и когда возвращался?

ОТВЕТ: Да боже мой, мы же не следили за ним в подзорные трубы! Он взрослый, у него своя жизнь, он наконец нашел себе дело по душе. Вставал он поздно, уходил из дому. Приходил, когда хотел. Поймите, мы с женой уже не в состоянии его контролировать. У нас младшие дети, мы заняты их воспитанием, их здоровьем, их образованием. А Родиоша... он жил... он просто жил, как хотел.

ВОПРОС: Так он возвращался домой поздно?

ОТВЕТ: Да, иногда очень поздно. Мы живем в Подмосковье, а он ехал из Москвы.

ВОПРОС: Были случаи, когда он не ночевал дома?

ОТВЕТ: Нет, такого я не припомню.

ВОПРОС: 3 мая, 10 мая, 19 мая и 25 мая в какое время ваш сын приходил домой?

ОТВЕТ: Я не помню. То есть он уходил из дома днем, а возвращался иногда поздно.

ВОПРОС: Он не находился с вами в эти дни вечерами?

ОТВЕТ: Нет, я же объясняю вам, парни играют в музыкальной группе. Там клубы ночные, выступления.

ВОПРОС: Если ночные клубы и выступления, значит, он часто не ночевал дома?

ОТВЕТ: Он всегда у нас ночевал только дома... то есть... я не помню, спросите у жены.

ВОПРОС: Вы не помните, что было 25 мая? Это же всего неделя назад.

ОТВЕТ: Я все помню, я отлично помню... Родиоша был с нами в тот день... вечер... То есть нет, его не было, он, как обычно, ездил в Москву. В общем, спросите лучше у жены. Она все помнит точно.

ВОПРОС: Роман Ильич, вы употребляете алкогольные напитки?

ОТВЕТ: В смысле, не пропил ли я свою память? Что ж, иногда употребляю. Но умеренно. Порой без этого мужчине нельзя. Вы разве такой уж отъявленный трезвенник, товарищ... или как вас там, гражданин следовательно?

ВОПРОС: Ваш сын подозревается в совершении нескольких убийств.

ОТВЕТ: Ни про какие убийства мы с женой не знали. Занесите это в протокол. У нас младшие дети... мы... Да разве же мы могли про такое знать???

ВОПРОС: Вы никогда не подозревали, что ваш сын может совершать подобные поступки?

ОТВЕТ: Нет, никогда, что вы такое говорите!

ВОПРОС: В присутствии вас и вашей жены ваш сын Родион проявлял когда-либо агрессию в отношении кого-либо?

ОТВЕТ. Нет... то есть, ну было конечно... да, эти самые акты агрессии. Спросите у жены моей. Когда еще в школе учился и потом. Во дворе... знаете, ребятня, пацаны порой жестокие, дразнят... Псих, псих... А он ведь не такой, как все. Ну и было – срывался. И дома тоже иногда все может поломать, разорвать, когда не в себе.

ВОПРОС: Родион проявлял агрессию в отношении вас, родителей и младших детей?

ОТВЕТ: Нет, никогда! Он любит нас и младших любит – Любочку и Фому. Это, наверное, единственное, что он любит в этой жизни, что его еще держит здесь. Это мы... наша семья.

Катя дочитала последний ответ в протоколе допроса.

Какой необычный допрос...

Ощущение от прочитанного какое-то неопределенное... двойственное.

Ну конечно же, он, его отец, лжет, оттого так путано изъясняется.

А маньяк-то, оказывается, *любит свою семью*...

Она снова перечла допрос, затем и с него сделала для себя ксерокопию.

Потом вставила в ноутбук новый диск. Интересно, а что там?

Комната для допроса в изоляторе временного содержания. Резкий свет галогеновой лампы. В кабинете для допросов трое.

Катя увидела полковника Гущина – без пиджака, в одной рубашке, рукава засучены, галстук криво на боку, во рту крепко прикушена сигарета – ну точь-в-точь «злой коп», как его показывают в блокбастерах. Рядом с ним долговязый и невозмутимый субъект в сером костюме – скорее всего следователь. В дверях – могучего вида – просто горилла настоящая – оперативник, в черной форме спецназа, незнакомый Кате. С наручниками у пояса и таким выражением на лице, словно он сейчас, если только услышит команду, начнет всех тут мочить и крошить в капусту.

Однако вопрос, прозвучавший на записи, странно диссонировал со всей этой взрывной грозной ситуацией. Предельно вежливый и спокойный вопрос следователя в сером костюме:

– Вы не могли бы хоть на минуту перестать стучать по столу? Прекратить барабанить?

Камера медленно наехала на того, к кому обращались.

Катя увидела сидящего за столом мужчину. Темноволосого. Только что из протокола допроса ей стало известно, что Родиону Шадрину... вот этому мужчине за столом, всего двадцать пять лет. Но выглядел он намного старше – лет на тридцать пять. Очень худой парень, но с отечным опухшим лицом. Очень бледный. Опустив голову, он вперился в стол. Сам он сидел неподвижно, а вот руки его дергались, пальцы выбивали на крышке стола глухой четкий ритм. Очень быстрый ритм, рваный, назойливо сверливший тишину, наступившую после вопроса следователя.

– Хорош дурака валять! Думаешь, мы с тобой тут цацкаться будем?!

Гущинский бас – как из пушки.

Четкий отбойный ритм в ответ как дробь дятла.

– Прекратите, Родион, прекратите стучать! – Следователь сел напротив. – И отвечайте на наши вопросы.

Нет ответа. Нет реакции. Катя смотрела, как Родион Шадрин... да, вот таким она впервые увидела его на этой видеозаписи... барабанит. И бледное одутловатое лицо его не выражает ничего, и взгляд его темных глаз пуст. И лишь руки неистовствуют, продолжая отбивать четкий грохочущий ритм все громче, громче...

– Прекратить сейчас же!

Барабанная дробь пальцев.

– Да он же издевается над нами!

Гущин кивнул спецназовцу – мгновение, и тот молниеносно сдернул Шадрину со стула, пригнул его могучим рывком к полу, заламывая руки за спину.

В кабинете для допросов воцарилась тишина.

– Под идиота полного косишь... Думаешь, мы на это купимся, я на это куплюсь? – Гущинский бас теперь тих и зловец там, на записи, как шипенье змеи. – Четыре девчонки за три недели... их кровь на тебе. Изуродовал, искромсал, убил... Удовольствие получал? Отвечай! Ты там вот так с ними наслаждался, кайфовал? А теперь тут у нас под дурака косишь, думаешь, это тебе все с рук сойдет? Отвечай, когда тебя спрашивают, сукин ты сын!

– Тише, спокойно, так мы с ним все равно ничего не добьемся. Я прерываю допрос, уведите арестованного.

Запись оборвалась. Катя сидела перед темным экраном ноутбука. Следователь просек – «злой коп» вот-вот выйдет за дозволенные рамки. А это недопустимо. Как ни крути, маньяк... «сукин сын», как его именуется яростно полковник Гущин – больной.

Родион Шадрин психбольной... Это даже по лицу, по всему его облику можно понять.

Однако видеозапись на этом не кончилась. Возникла вторая часть. И здесь та же обстановка – кабинет для допросов в изоляторе и даже та же самая горилла из спецназа в дверях в

качестве конвоира. Но вот народа в кабинете гораздо больше. Кроме Гущина и следователя еще знаменитый на все управление эксперт-криминалист Сиваков и двое медиков в синих робах.

Освидетельствование и личный досмотр задержанного. Медики ловко и быстро сняли с Родиона Шадрина толстовку и майку. Катя поняла, что эти вещи – чистые, то есть не предназначенные для биоэкспертизы и исследования ДНК. Для этих экспертиз изъята другая одежда и обувь при обыске в его квартире.

Шадрин позволял медикам делать с собой то, что они делали, подчинялся вяло и безропотно, словно тряпичная кукла. Его повернули боком к свету, к галогеновой лампе.

Гущин молча указал эксперту Сивакову на татуировку Шадрина. В очень необычном месте она была сделана – не на предплечье, а на боку, почти что на ребрах. Крупная татуировка. Они все очень внимательно рассматривали ее.

Разглядывала на видеозаписи и Катя. Не пойми что, какая-то геометрическая линия. В тот момент ей не показалось все это важным. Гораздо важнее было осознание того, что Шадрин не давал никаких показаний. Вообще не произносил ни слова. Медик поднял его руку вверх, давая возможность эксперту Сивакову сфотографировать татуировку крупным планом.

Катя видела, как пальцы Родиона Шадрина там, вверху, задвигались. Он словно щупал, перебирал пальцами воздух.

Или снова барабанил? Даже вот так.

Глава 9

Кокаин в шоколаде

– А у тебя тут премиленькое гнездышко!

– Такие хоромы!

– И сколько сладкого, конфет, это все нам?? Ох-х-х, мальчик, да тут все в шоколаде!

Феликс – молодой хозяин кондитерского бутика «Царство Шоколада» и фабрики, да, да, тот самый Феликс, по которому тайком вздыхала нежная Машенька Татарина, Феликс – антикварный гот по образу жизни и по костюму, очень активно, непринужденно и страстно обслуживал столичных шлюх.

Сегодня днем он набрал один из своих излюбленных телефонных номеров и заказал девушек на дом. В семейный особняк конфетных магнатов, который после смерти его отца казался каким-то странно пустым, тихим, почти заброшенным со всей его внутренней великолепной отделкой, мебелью и комфортом.

Да, ведь они столько прожили за границей... Вот дом и зачах. Мать на этом настояла, и они покинули этот дом. Они с сестрой.

Феликс прислушался – нет, сестра наверху у себя, как всегда, что-то читает и учит. Вряд ли она спустится вниз – в гостиную или столовую. Она не одобряет домашних оргий. Она, конечно, способна устроить большой хай, если застукает его вот сейчас... сейчас... в таком виде...

– Ну, мальчишка, чего ты ждешь? Ложись, я приказываю! Нет, не так, на спину, я угощу тебя от души!

Шлюха Валерка – тонкая, как хлыст, с длинными ногами, взмахнула плетью.

Да, вид, возможно, не совсем пристойный сейчас у него. Даже совсем не пристойный. И сестрицу это, наверное, дико разозлит, возможно, грянет гром, если она спустится и увидит всех этих шлюх, но она никогда ни за что не донесет на него матери. Сестра не доносчик. И за это он ее уважает и даже любит по-своему.

Где-то там, в глубине души...

Очень глубоко...

– Ой, сколько же тут всего на столе! И какие конфеты, я в магазине таких никогда не видела... Это ваша фабрика такие готовит? А пирожные, просто пипец, как же вкусно, как же все это вкусно, сладко! Вы для «Азбуки вкуса» поставляете вот эти с шоколадом и с кремом? Божественно! Я, наверное, сейчас лопну! Ленка, да ты только попробуй, как тут все вкусно! И это все нам? Для нас?

Шлюха по имени Виля – рыженькая, пухлая, облаченная сейчас лишь в коротенький шелковый черный топ на бретельках, открывавший ее розовый прикольно подбритый лобок, застыла в восхищении у щедро накрытого стола в соседней с гостиной столовой.

Белыми хищными зубками своими она сейчас с аппетитом надкусывала сразу два пирожных, которые держала в обеих руках – «Три шоколада» и «Малиновый мильфей».

Она обращалась с набитым ртом к шлюхе Ленке – маленькой, как черная кнопка, брюнетке, тоже в одном шелковом белом топе на бретельках, открывавшем лобок небритый, густо обросший черными волосами. Ленка всегда ела сладкое очень жадно и сейчас лишь мычала в немом восторге. Что там бормочет, не различить... нет, все же можно различить...

– А конфеты с чем? Шоколад с чем? Что тут беленькое сверху?

– Мышьяк, – ответила подруге-товарке шлюха Сиси – самая образованная и отвязная из всех четверых. – Он нас всех потравит сейчас к такой-то матери. Он же хрен его знает кто... антикварный гот. На кладбище они мессу служат, им жертвы нужны, а мы... такие, как мы, им

самое оно для жертвоприношений. Девки, выплюньте конфеты! Ну, быстро, я кому сказала, плюй!

Сиси протянула руку – она вообще стояла у стола совершенно голая, смуглая, горячая и неистовая, как огонь... так вот она протянула руку, варварски ухватила шлюху Вилю за пухлую мордашку и сильно сдавила ей щеки.

– Плюй, толстая задница!

– Пусти, зараза! – Шлюха Виля взвизгнула и ударила ее по плечу недоеденным пирожным «Три шоколада». – Убью, п... недоделанная!

Она мазнула товарку пирожным «Малиновый мильфей» прямо по лицу, оставив ярко-розовый след крема на смуглой коже.

– Девочки, прекратите драться, – нежно попросил Феликс.

– Хорош прикалываться! – скомандовала товаркам шлюха Валерка с плеткой. – Что в конфетах? Это ж кокаин, вы что, забыли, как было в прошлый раз?

Шлюха Валерка с хлыстом наклонилась над Феликсом, и он скормил ей с рук шоколадную конфету, щедро посыпанную кокаином.

Он сидел сейчас на полу в любимой гостиной, обставленной в стиле прованс с фиолетовыми диванами и толстым сиреневым ковром на полу, с белыми французскими старинными столиками на гнутых ножках, зеркалами, мраморным камином и огромной хрустальной люстрой. Эта обстановка необычайно шла к его костюму, когда он был одет как антикварный гот, но сейчас от костюма его почти ничего не осталось.

Шустрая шлюха Сиси только что стянула с него его черные кожаные брюки. Бархатный камзол валялся на полу у двери. Батистовое жабо разорвали в клочья ловкие пальчики хищной обжоры Ленки. Он сидел на полу в одном кожаном корсете и чувствовал, как каменеет там, внизу, наливается небывалой невиданной мощью.

Эта четверка шлюх работала слаженно и четко и заводила его всерьез. Обычно ведь как случается? Открываешь сайт в Интернете «Шлюхи – на дом». И там такие красотки на фотках, глазам больно. И строгие госпожи, и пышечки, и мохнатые киски, и наглые стервы – на любой вкус. Но когда заказываешь и они приезжают на дом на такси, выясняется, что девушки-то обычные, вовсе не такие убойные, как на фотографиях на сайте.

Но эта четверка, пусть и не красотки, пусть и потасканные, не совсем свежие и не такие уж молодые, оказалась, что называется, сделанной для него. Они работали отлично, понимали, чувствовали его с полуслова – все его запросы, фантазии, все его нужды исполняли так, что он... да, он наслаждался с ними. Он по-настоящему наслаждался или воображал, что это – вот это и есть наслаждение.

Кокаин в шоколаде...

Много-много кокаина – его он покупал, тратя деньги, что брал у матери.

Много шоколада – этот ему почти ничего не стоил, потому что фабрика... их семейная фабрика в Подмоскowie работала превосходно и приносила доход.

Мать всем этим занималась – доходами, деньгами, фабрикой. Вот и сейчас укатила она на три дня в Петербург на бизнес-форум с иностранными партнерами обсуждать мировые цены на какао-бобы, на сахар, на кофе, вырабатывать стратегию инвестирования и развития, учиться приемам жестокой экономической борьбы, чтобы удушать своих конкурентов – кондитерские фабрики Украины и Белоруссии.

Мать уехала на бизнес-форум, и он, ее сын Феликс – антикварный гот, сразу же... ну почти сразу заказал для дома для семьи шоколад, кокаин и четырех шлюх.

– Я сейчас тебя угощу от души, – весело, грозно, зловеще пообещала шлюха Валерка, размахивая плетью. – Ты нас кокой и сладким, а тебя вот этим. С оттягом!

Она замахнулась и ударила его плетью в промежность без всякой пощады.

Феликс придушенно вскрикнул и повалился на спину на сиреневый ковер.

– Вот так, вот так и вот так... и еще вот так! – шлюха Валерка лупила его по члену. – Горячо... сладко... ну же, вставай, вставай вялый перец!

Кокаин вскипятил кровь Сиси, Ленки и Вили, они бросили стол с пирожными, с шоколадными конфетами, с тортами... нет, они много чего прихватили с собой в гостиную.

Шоколадную конфету с кокаином в рот, в рот, еще одну, еще, еще... Пока плеть гуляет по причинному месту, пока он, клиент, там кричит и извивается на полу, умоляя не давать ему пощады, бить, бить, только не давать никакой пощады...

Они набросились на него, возбужденные кокаином, как вакханки. Схватили за руки, растянули его на полу. В прошлый раз он показал им старинную гравюру в Интернете – индийский раджа удовлетворяет сразу четырех наложниц, и они решили повторить эту прелесть впятером.

Вот сейчас... сейчас, пока плеть нещадно лупит, оставляя на коже бедер алые полосы, пока он стонет там, на полу, как больной.

Шлюха Ленка схватила его правую руку и, широко расставив ноги, уселась на полу, заведя его пальцами. Шлюха Вилия проделала все то же самое с его левой рукой, заставляя его гладить себя там, внутри, во влажной нежной пахучей норе.

Шлюха Валерка упала на пол рядом с ним в его ногах и тоже вся раскрылась, растопырилась, как набухший влажный бутон. Она завладела его ногой, большим пальцем левой ноги. Не бог весть какое наслаждение, однако она терлась о его палец и постанывала от удовольствия и продолжала охаживать его плеткой.

Хлеть, хлеть... кричи, пацан, вопи, тебя тут все равно никто не услышит в этом огромном пустом доме...

Сестра, говоришь, там, наверху... Она стро-о-о-гая, она не терпит оргий в доме...

Что ж, пусть спускается, мы ее научим, мы всему ее научим! И ей, твоей сеструхе, найдется место, великое, теплое место в шоколаде, в кокаине, между теплых ног, на вялом перце, который все никак... никак... никак...

– Да вставай же ты, вставай, торчи!

Шлюха Сиси, которая следила за всем происходящим с нетерпеливым профессиональным любопытством, поняла наконец, что момент настал.

Она прыгнула на Феликса, оседлала его, но не успела даже угнездиться, устроиться как следует на его бедрах, как он кончил – быстро и бурно, вскрикнув при этом так болезненно и страшно, словно его самого, а не ее, эту жадную до наслаждений проститутку Сиси, пронзили копьём.

Сиси задвигалась на его бедрах, неистово заскакала, но ей досталось меньше, чем остальным. Остальные кое-как кончили на пальцах Феликса, а Сиси пришлось удовольствоваться лишь новой порцией кокаина и шоколада.

Затем они просто ползали по полу и ели конфеты и теряли себя в кокаиновых грезях. Смеялись, плакали, целовались, начинали возбуждать Феликса снова и снова. Но все тише, все медленнее, все нежнее...

Неистовство уступило место странной болезненной нежности. Кокаин в шоколаде действовал отупляюще сладко.

Потом они просто лежали вповалку, в обнимку на сиреновом ковре все вчетвером – не разобрать, где кто, чьи там руки и ноги, чьи волосы на лобке, кто в шелках, кто в корсете. Они все перемазались шоколадом и кремом пирожных, оставляя на ковре неопрятные пятна.

Феликсу хотелось нежности и любви. Но он почти уже засыпал, утомленный, обессиленный, мокрый от пота. Он чувствовал лишь слабость во всем теле и боль от ударов плетью. И еще он ощущал странное облегчение. Словно в нем лопнул – там, глубоко внутри, какой-то вызревший нарыв.

– Скажите, что теперь все, все, все будет хорошо, – просил он шепотом их всех – четырех шлюх.

Никакие от кокаина, они уже не слышали его, лишь шлюха Валерка что-то промычала нечленораздельное и снова по привычке замахнулась на него плетью.

Он пнул ее ногой, и она, ойкнув, затихла на сиреновом ковре, перемазанная шоколадом.

Глава 10

Семья. первый взгляд

Следующий день Катя решила не тратить на препирательства с полковником Гуциным по поводу того, что это дело выдали психиатрам, а не ей, хотя она уже заявила о своем намерении писать статью. Она решила отправиться прямо с утра в Косино на Черное озеро к семье.

Веселовские теперь, значит, вы все...

Веселитесь много?

Семейка еще та...

Она не собиралась с ними церемониться. Программа защиты свидетелей – хотя они никакие и не свидетели – обязывает их к сотрудничеству с правоохранительными органами. Значит, отказаться от встречи они не могут. Не принять ее – официального представителя Пресс-центра ГУВД – тоже не могут. Завтра выходной, суббота, лишь бы куда не улимонили...

Катя позвонила Веселовским накануне вечером. Надо держать с ними официальный вежливый тон. Ответил ей мужской голос: алло!

На секунду она замерла... да нет, нет же, нет... он не сбежал из этой Орловской психиатрической. Не по этому поводу явились в Главк психиатры. Он сидит там, он надежно заперт, а это говорит его...

– Роман Ильич Шадрин? – Катя намеренно назвала прежнюю фамилию отца семейства.

– Нет, вы ошиблись, я... мы не...

– Я не ошиблась, – Катя говорила веско и настойчиво. Она представилась по полной форме и объявила, что завтра в десять придет к ним домой задать несколько вопросов. Затем напомнила, что по программе защиты они обязаны отвечать, сотрудничать и вообще – не вздумайте завтра уехать из дома!

Мужской голос на том конце что-то промямлил этакой потерянной скороговоркой, заплетаясь языком. И только в этот миг до Кати дошло, что говоривший с ней Роман Шадрин-Веселовский пьян.

Она тут же сделала себе пометку в блокноте планшета: папаша – алкоголик, сын – потрошитель.

Она быстро делала выводы. Правда, чего церемониться с ними? Она, как всегда, бежала впереди паровоза по своей репортерской привычке.

Наутро, постояв под горячим душем несколько дольше, чем обычно, отлично позавтракав, Катя захватила с собой все необходимое – мобильный, планшет, диктофон, и отправилась сначала в гараж.

Гараж-«ракушка», где скучала их с подружкой Анфисой Берг купленная напололам машина «Мерседес-Смарт», располагался в соседнем дворе, на родной для Кати Фрунзенской набережной. Катя открыла «ракушку», погладила любовно малютку «Мерседес» (У каждого – свой «Мерседес», так говаривала подружка Анфиса) и, усевшись как барыня на роскошное кожаное сиденье малыша, тут же шустро начала нажимать все кнопки, включая эту напичканную электроникой коробочку на колесиках.

Затем она ввела адрес в навигатор, проложила маршрут, перепроверила его на планшете и решила пока что добраться до Нового Косино по переполненной, как обычно, машинами Волгоградке. А там разберемся, где они живут, в какой крысиной норе нашла себе приют пережившая семейка маньяка.

Двигаясь потихоньку, лавируя в бесконечных пробках, Катя слушала Abney Park. Сколько с этой группой воспоминаний связано... Эта их улетная песня Airship pirates, воздушные пираты... Да, да, скоро понадобится весь кураж и вся храбрость, чтобы разговаривать с

этими людьми в их новом доме спокойно. И не срываться на оскорбления, обвинения и крик за то, что они породили такого уродца, который резал людей на куски.

Песня подбадривала, Катя то и дело прибавляла звук, и маленький «Мерседес-Смарт» громыхал словно безумная музыкальная шкатулка на переполненном Волгоградском шоссе.

Затем навигатор предложил сделать поворот налево. И Катя въехала в новый микрорайон Новокосино.

Она сразу выключила музыку. Черное озеро... надо же какое название, прямо для них...

Но кругом тянулись бесконечные новостройки, те же самые Новые дома, как и в Дзержинске. Затем пошли пустыри, участки, огороженные бетонными заборами. Катя снова сверилась с навигатором и открыла планшет. Ввела адрес в поиск, и на экране планшета запульсировала алая точка. Вот их дом на карте, но где же он тут?

Она свернула направо и увидела впереди ограду, шлагбаум, а за ним целые ряды коттеджей кондоминиума – разноцветные секции лепились друг к другу. Катя посигналила, и шлагбаум поднялся сам собой. Она въехала на территорию кондоминиума, все время глядя в свой планшет, лежащий сбоку на сиденье.

Алая точка пульсировала, вела за собой. Катя проехала площадь, супермаркет, новехонькую, словно пряничную, церквушку. Дальше небольшой парк, видно, старые деревья Черного озера не стали рубить, когда строили кондоминиум. И тут в парке разбросаны кирпичные коттеджи. Никаких аршинных заборов – мягкие зеленые лужайки у тех коттеджей, где уже живут, и строительный мусор возле тех, которые еще в отделке, незаселенные. Таких большинство.

А вот и тот самый, крайний, на отшибе...

Катя заглушила мотор. На ухоженной лужайке перед ней – отличный новый двухэтажный коттедж, крытый металлочерепицей. На лужайке большая белая тарелка спутниковой антенны. На окнах тяжелые шторы, на террасе – плетеная новая мебель. Достаток и благосостояние в каждом кирпичике, в каждой ухоженной подстриженной травинке.

Катя вспомнила девятиэтажку в Дзержинске, квартиру с наглухо задраенной лоджией.

Это значит в такой вот дом по программе защиты свидетелей переехала семья Родиона Шадрина?!

Коттедж в тихом парке на берегу Черного озера в поселке бизнес-класса?

Откуда-то из-за дома вынырнул велосипедист. Точнее, велосипедистка – девочка лет двенадцати в джинсах и бейсболке на дорогом японском велосипеде. Она что есть силы жала на педали. За ней гнался мальчик – белобрысый в расстегнутой спортивной куртке.

– Отдай! Мне ехать надо, пацаны ждут!

– Подождут, – девчонка сделала крутой вираж перед крыльцом, остановилась.

Мальчик тут же схватился за руль.

– Убери грабли, – девчушка резко ударила его по руке.

– Отдай, это мое! – мальчишка попытался спихнуть ее с седла.

Девчонка съездила его по затылку уже без всякой пощады, и он ойкнул.

– Не канючь, было ваше – стало наше!

– Отдай велик!

– Ой-ой, а что, мамочке сейчас ябедничать побежишь? Фома – хомяк с полки бряк.

– А ты... ты злая! – выкрикнул плаксиво мальчик. Тоненький и хрупкий, он заикался от обиды и желания вернуть себе конфискованный велик. – И я... я правда маме все скажу про тебя!

– Наябедничаешь, живым не останешься, – пообещала девчонка в джинсах и бейсболке, – лучше бы тебе, Фома, на свет тогда не родиться.

– А я уже родился и сестру имею! Уродина! Любка уродина, у тебя прыщи!

Мальчишка нашел, чем оскорбить, и отскочил от велика на приличное расстояние.

– Что ты сказал? Повтори, что ты сказал?

– У тебя прыщи и угри, ты перед зеркалом на носу выдавливаешь в ванной, думаешь, я не видел? Я ничего не видел? У-р-р-родина!

– Ну, все, я тебя сейчас прикончу, готовься к смерти, придурок!

Девчушка, пылая негодованием, соскочила с велика и...

Катя уже поняла, кто перед ней... Люба и Фома... его сестра и брат. И сцена, которой она стала свидетелем, когда дети ссорились и оскорбляли друг друга, лишь прибавила ей уверенности – та еще семейка! Вы только гляньте на молодую поросль!

– Люба, оставь брата в покое, – громко скомандовала Катя, выходя из машины. – И скажи мне, твои родители дома?

Честное слово, после того, что она увидела, как эти плохиши ссорятся, она не собиралась перемониться и с ними.

– Дома. А что? А вы кто? – спросила Люба Веселовская.

– Я из полиции. Позови родителей.

– Мама! – жалобно и протяжно, испуганно крикнул Фома Веселовский.

Он никуда не побежал. А сестра Люба не стала его догонять и лупить. Она бросила свой дорогой велик на землю, подошла к брату и обняла его за тощенькие плечи.

– Мама, иди сюда, – позвала она тоже.

Дверь коттеджа открылась, и на пороге возникла женщина – высокая, стройная, в джинсах и простой черной майке.

У Кати, готовой узреть в роли матери потрошителя кого угодно – хоть ведьму с изъеденным проказой лицом, захватило дух.

Надежда Шадрина-Веселовская была редкая красавица!

– Капитан полиции Петровская Екатерина, я вам вчера звонила, разговаривала с вашим мужем. Я к вам по делу.

– Но мы... да, конечно, я поняла, заходите в дом, – Надежда посторонилась в дверях, пропуская Катю. – Сегодня выходной, мы встали поздно. Дети только позавтракали. Извините, что у нас неубрано. Мы после переезда все еще никак не устроимся, муж сам много чего делает в доме... своими руками... Извините, что такой хаос.

Она говорила, бормотала, а Катя разглядывала ее с немим изумлением. Высокая, модельного роста блондинка с синими глазами и великолепной кожей, крупным ртом, без какого-либо намека на косметику на лице. Да и не нужна этой женщине никакая косметика, от нее и так глаз не оторвать, если она куда-то придет, даже одетая вот так затрапезно по-домашнему. Эта роскошная коса, эти соболиные брови, этот точеный нос совершенной формы, лебединая шея.

И она очень молодая... Катя вспомнила видео с Родином Шадриным. Как же так... он ей по виду никак в сыновья не годится, скорее уж выглядит как младший брат.

Катя оглядела холл – просторный со светлой мебелью из сосны европейского качества, с широкими диванами, дорогим телевизором, а дальше кухня – двери широко распахнуты, и можно видеть модную кухонную стойку и стеклянные шкафы. В коридоре пахнет краской и стоит стремянка, тут же сложены рулоны обоев и какой-то материал для ремонта, для отделки. И это все теперь новый дом маньяка-убийцы? А эта красавица с косой, которой не дашь больше тридцати восьми, – мать потрошителя?!

На лестнице на второй этаж послышались грузные шаги, ступеньки заскрипели. Катя ощутила внезапно противный тяжкий холод внутри. Она явилась в этот дом одна, без всякой защиты. Правда, в Главке знают, и полковник Гушин в курсе... в случае чего ее станут искать, найдут... Она тут в этом гнезде маньяка, одна без помощи и поддержки, вооруженная лишь собственной репортерской наглостью и азартом, а ведь они... эта женщина, его мать... они знали... они все знали... Они видели его, когда он возвращался домой – весь в крови, распаленный убийством, воняющий потом, грязный, со смертью за плечами... Они, родители, видели его, знали, кто он и на что способен, они все о нем знали, они покрывали его во всем, и в убийстве

лейтенанта Марины Терентьевой тоже... И ты собираешься это доказать – это их всезнайство и эту их чудовищную ложь, и поэтому ты явилась в их дом одна, а тем временем...

Ступеньки скрипят... кто-то спускается...

Нет, не может такого быть...

Он не сбежал из психушки и не прячется сейчас дома, в семье...

Не по этому поводу приехали из Орла психиатры...

Если бы стало известно, что он, Роман Шадрин, сбежал, то поднялся бы такой шум... все в ружье... все снова в ружье, вся полиция, и полковник Гуцин, конечно, первым бы проверил этот их новый чертов дом в Новокосино...

По лестнице спускался грузный мужчина – рыжеволосый и лысый, в очках без оправы, небритый, в спортивных штанах и футболке, заляпанной краской. В руке он сжимал электрическую дрель.

– Что нужно? – спросил он тихо.

– Я из полиции насчет вашего сына, – сказала Катя, собрала всю себя в кулак перед ними. – Роман Ильич, положите дрель на пол. И без резких движений. Спускайтесь.

И она сунула руку в карман своей замшевой куртки. Там – ничего. Но пусть они думают, пусть знают, что она готова. Что у нее там табельный пистолет.

– Да, конечно, извините... я там стеллаж наверху собирал. – Роман Шадрин-Веселовский нагнулся и положил дрель на пол.

– Проходите, садитесь, – сказала Надежда Шадрина, указав на диваны в холле.

Катя прикинула: Роман Шадрин старше своей жены лет этак на пятнадцать, а может, и больше. Она уловила исходящий от него запах алкоголя. Вчера он говорил с ней по телефону пьяный, сегодня наверняка опохмелился. Хотя на классического алкаша не похож.

– Как давно вы переехали? – спросила она, включая в сумке диктофон.

– Восемь месяцев назад, – ответила Надежда Шадрина.

Отвечала на вопросы в основном она. Ее муж сел на диван напротив и лишь поддакивал, кивал, не спуская с Кати пристального изучающего взгляда.

– Дети ходят в школу?

– Да, здесь, в поселке, хорошая школа, грех жаловаться.

– Лучше, чем в Дзержинске?

– Тут языкам много времени уделяют, литературе и математике тоже. Фома очень хорошо успевает по математике, а Любочка спортом увлекается.

– Вы ездили в Орел? Вам разрешили свидание с вашим сыном?

– Да было одно, зимой. Мы ездили, – Надежда Шадрина смотрела в пол – модный темный широкий паркет, стилизованный под деревенские доски.

– Вы работаете?

– Нет, я не работаю. Дома детьми занимаюсь.

– А вы? – Катя обернулась к Роману Шадрину.

– Работаю, как же без работы.

– Где?

– На конфетной фабрике, это не очень далеко на машине.

– Кем?

– Ведущий менеджер отдела кадров.

Катя внезапно ощутила приступ тошноты... Отдел кадров, и ты там тоже... Лейтенант Терентьева проработала в своем отделе пять лет, и твой ненормальный сын, этот зверюга...

– Когда ездили в Орел в больницу, как вы нашли сына – лучше, хуже?

– Лучше, гораздо лучше, – сказала Надежда. – Его там лечат усиленно, уколы колят разные, процедуры.

– Значит, когда он жил с вами в одной квартире, он был гораздо хуже?

– Да, многого.

– В чем это выражалось?

– Он же больной у нас, врожденный аутизм.

– Это я знаю, я читала ваш допрос, Роман Ильич, – Катя снова обратилась к главе семейства. Она не собиралась с ними церемониться, о нет! – Я спрашиваю, в чем конкретно это выражалось?

– Ну, он чувствовал себя... нет, он вел себя плохо... ужасно вел себя, – сказала Надежда, ее муж молчал.

– Ужасно вел себя? Дома? С вами?

– Нет, с нами он был тихий. Он вел себя ужасно... ну, вы понимаете, о чем я.

– На нем четыре убийства, четыре жертвы – это вы называете «вел себя плохо»?

– Ужасно, ужасно, – Надежда закивала своей прекрасной головой фотомодели, тонкие пальцы ее теребили косу. – Я его не оправдываю, поймите, я его не оправдываю.

– Не оправдываете сейчас, когда его задержали и отправили в психбольницу? А раньше, когда он все это совершал? Тогда, в мае? Вы оправдывали его действия?

– Мы ни о чем не знали... мы даже подумать не могли, что Родиошечка... он, наш Родиошечка, способен на такое.

Родиошечка... вот значит, как маньяка-потрошителя звали дома его мама и папа. Катя смотрела на Надежду Шадрину.

– Не стоит вам повторять мне всю эту вашу ложь, которой вы кормили следователя на допросах.

– Но я говорю правду.

– Нет, вы лжете. И всегда лгали, – сказала Катя. – Может, тогда, в мае, после первого убийства, совершенного вашим сыном, вы и не заметили ничего такого за ним... Но он совершил второе, убил в третий раз и в четвертый. Я ездила в Дзержинск... От места, где он зверски убил лейтенанта полиции Терентьеву, до вашего дома дворами двадцать минут. Он пришел домой – на нем ее кровь еще дымилась, руки по локоть в крови. Вы открывали ему дверь...

– Да нет же, нет, у него имелся свой ключ. Он приходил поздно, а мы всегда уже спали.

– А его одежда? Вы же стирали его одежду, не могли не заметить, в каком она виде.

– У нас стиральная машина стояла в туалете, он бросал белье прямо туда и включал машину ночью... режим экономии... Он умел это делать – стирать, обслуживать себя, он же не полный был дебил у нас!

– А его обувь – ботинки, кроссовки, там ведь тоже следы крови.

– Он ухаживал сам за своей одеждой, он всегда отличался чистоплотностью, прежде у него имелся даже такой особый ритуал, аутисты... они подвержены ритуалам... он всегда отличался аккуратностью и любовью к чистоте.

– Вы на допросе у следователя, – Катя обернулась к Роману Шадрину, – показывали, что он дома порой все ломал и рвал.

– Это я преувеличил, – Роман Шадрин взглянул на жену, – Надя, скажи, что мы... мы никогда ничего такого не замечали ни на его одежде, ни на обуви. Никаких пятен крови.

– Да, да, но это не значит, что мы его оправдываем, он совершил все эти ужасные вещи, – Надежда Шадрина слегка повысила голос, – Родиошечка приходил домой поздно. Он мало общался с нами, это все его болезнь. Мы делали все что могли, с самого его детства, но ведь в душу-то не заглянешь. Да мы и не пытались заглядывать ему в душу... у нас еще двое детей, маленьких, им забота нужна, ласка, внимание. А Родиошечка... он же вырос, он здоровый мужик... я не могла не видеть, как он возмужал. Ему женщина нужна была, баба нужна постоянно такому здоровому парню. А кто с ним пойдет, кто даст больному? Вы хотите знать, почему он все это совершал? Да потому что это инстинкт у него такой, мужской половой инстинкт. Он вошел в возраст, а возможностей никаких. У него не было девушки, он девственник. А ему

очень хотелось. Он не мог себя сдерживать, он же больной, у него с головой плохо. Как мы могли его контролировать? Связывать, что ли, по рукам и ногам? Или кастрировать его??

– Надя, что ты такое городишь! – тихо воскликнул ее муж. – Наденька, я прошу тебя, замолчи!

– Но она же из полиции, она хочет знать причины, почему он все это делал, почему вел себя так ужасно!

– Как раз причин, по которым совершал серийные убийства ваш сын, я знать не хочу. Собственно, я их знаю. И самую главную причину – его психическое расстройство, – сказала Катя. – Меня интересует другое.

– Что вас интересует?

– Ваша жизнь с ним. Вы все знали о нем, что он делал. И покрывали его во всем.

– Но мы не знали, мы ни о чем даже не подозревали!

– Если потребуется, я поговорю с вашими детьми, – жестко пообещала Катя.

– Только не трогайте детей, пожалуйста!

– Ради бога, я вас тоже прошу, – Роман Шадрин заколыхался на диване всем своим тучным телом. – Наши младшие тут совсем ни при чем.

Говорил он тихо, но взгляд его из-под блестящих очков словно прожигал Катю насквозь. Ненависть в этом взгляде... Катя встретила его взгляд спокойно: ты, папаша маньяка, ненавидишь меня сейчас вот только за то, что я спрашиваю, задаю вопросы, ворошу снова всю эту кровавую вонючую кучу недомолвок, догадок, укрывательств и тайн.

– Вашего сына задержали дома, в вашей квартире?

– Да, – Надежда Шадрин-Веселовская кивнула.

– При каких обстоятельствах?

– Позвонили в дверь, полиция, мол... я сначала не поверила, а они там на площадке с понятами, и эти амбалы в черном, в шлемах с ними, сказали, что дают минуту на размышление, а затем выламывают дверь.

Катя поняла, что Надежда *вот так* описывает операцию по захвату, в которой кроме уголовного розыска участвовал спецназ.

– Ваш сын находился дома?

– Да.

– Вы открыли дверь полицейским или пришлось ломать?

– Я открыла. Я сама открыла! – Надежда повысила голос. – У нас дети. Ваши могли перепугать их до смерти.

– Как ваш сын отреагировал на приход полиции?

– Никак. Он сидел у себя в комнате. Он и в тот, прошлый раз, никак не реагировал.

Катя замерла: это еще что такое? О чем говорит его мать?

– Какой еще прошлый раз? – спросила она.

– Ну, его же на допрос вызывали. В полицию.

– Вашего сына? Когда?

– Тогда же, в мае, где-то после майских праздников.

– О чем шла речь на допросе?

– Я откуда знаю? Нам позвонили, потом прислали нарочного вечером с повесткой. Муж пошел вместе с Родиошечкой. Я дала все его медицинские документы, все карты.

– О чем шла речь на допросе? – Катя повернулась к Роману Шадрину-Веселовскому.

– Я не присутствовал. Я сидел в коридоре, – ответил тот. – Отдал все медицинские документы сначала. Сказал, что Родиоша у нас болен... врожденный аутизм.

– И что?

– Ничего. Следователь, или кто он там у вас, прочел медкарту и справки. Потом позвал Родиошечку в кабинет. Только разговора не получилось, буквально минут через десять он открыл дверь и сказал, что мы можем идти, все свободны.

– Почему вы думаете, что разговора... то есть допроса, не получилось?

– Родиошечка замкнулся в себе, как обычно. Это когда он с незнакомыми людьми или обстановка ему не нравится. Он не отвечает, он только...

– Что он только? – спросила Катя.

– Барабанит, – вместо мужа ответила Надежда Шадрина. – Отбивает ритм. Его это успокаивает, когда он волнуется или переживает.

– Когда сотрудники полиции пришли к вам домой его задерживать, он что, тоже барабанит?

– Нет, они сразу надели на него наручники... эти ваши полицейские. И начали шарить по всем углам, обыск стали у нас дома делать.

– Это стандартная процессуальная процедура, – беспощадно отрезала Катя. – А вы что думали? Он убил четырех женщин.

– Да я же не оправдываю его! – жалобно воскликнула Надежда. – Я не оправдываю, то, что он сделал – это ужасно. Это бесчеловечно, жестоко! Мы с мужем и подумать не могли, что он способен на такое. Мы не знали ни о чем. И даже когда ваши пришли его забирать, мы не верили. А потом во время обыска они нашли лифчик окровавленный.

– Какой еще лифчик? – спросила Катя.

– Не знаю, женский. Не мужской же... В крови весь. Они достали его из сумки Родиона, он с собой всегда сумку носил. Я ему туда бутерброды клала, когда он из дома уходил, когда ездил в Москву играть в своей группе.

– Во время обыска нашли вещдок, – сказала Катя веско, а сама подумала: надо разобраться со всем этим – с этим непонятным кратким допросом, с этим вещдоком, Гуцин ей все, все расскажет!

– Тогда мы с мужем поняли, что Родиошечка... что он действительно делал ужасные вещи... что это никакая не ошибка... Поймите же нас, мы его вырастили, мы заботились о нем, лечили его, берегли, как нам с мужем было все это принять, думаете легко? Сколько слез я пролила! Кто-нибудь сосчитал мои слезы?

– Слез много в этом деле. Не только ваших, – Катя не собиралась тут, в их таком богатом новом доме, ее – эту красавицу с косой, и ее муженька – жалеть.

– Мы не знали ничего, ни о чем не догадывались. Только когда у него из сумки достали эту вещь... мы поняли, что...

– Вы говорите мне сейчас неправду.

Прекрасное лицо Надежды пошло красными пятнами, на висках появились бисеринки пота. Она положила руку себе на сердце, словно готовая поклясться.

– Вы говорите мне неправду. Вы знали, вы догадывались, что это ваш сын убивает. Об убийствах в том мае говорили вся Москва и все Подмосковье. Вы догадывались, вы знали, потому что... он жил с вами в одной квартире, – упрямо повторила Катя. – Я советую вам подумать обо всем этом, хорошенько подумать. Я приду к вам снова и стану задавать вопросы о вашей жизни с вашим сыном. И я хочу честных ответов. Так что подумайте. Программа защиты, которая дала вам все – новое имя, будущее для ваших младших детей, обязывает вас говорить правду. А то ведь можно и лишиться всех этих благ. Детям снова вернут их прежнюю фамилию – Шадрины. Это почти как Чикатило. Пусть ваш сын совершил гораздо меньше убийств, но по жестокости они чудовищны. Так что подумайте обо всем этом и примите правильное решение – сотрудничать и говорить правду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.